

АНДРЕ МОРУА
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КОМБИ»

Андре Моруа
История Англии

«Азбука-Аттикус»

1937, 2011

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)

Моруа А.

История Англии / А. Моруа — «Азбука-Аттикус», 1937, 2011

ISBN 978-5-389-19263-8

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго, Шелли и Байрона, считается подлинным мастером психологической прозы. Однако значительную часть наследия писателя составляют исторические сочинения. В «Истории Англии», написанной в 1937 году и впервые переведенной на русский язык, Моруа с блеском удалось создать удивительно живой и эмоциональный портрет страны, на протяжении многих столетий, от неолита до наших дней, бережно хранившей и культивировавшей свои традиции и национальную гордость. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(44)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-389-19263-8

© Моруа А., 1937, 2011

© Азбука-Аттикус, 1937, 2011

Содержание

От автора	7
Книга первая	8
I. Положение Англии	10
II. Первые следы человека	14
III. Кельты	16
IV. Римское завоевание	26
V. Конец римской Англии	33
VI. Англи, юты и саксы	38
VII. Обращение в христианство	46
VIII. Христианство и германизм в англии	54
IX. Вторжения данов и их последствия	60
X. От короля альфреда до короля кнута	67
XI. Нормандское завоевание	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андре Моруа

История Англии

Посвящается Симоне

© Л. Н. Ефимов, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство КоЛибри®

©Александр Гузман

От автора

В конце этого труда читатель найдет список книг, к которым я постоянно обращался. Уже достаточно длинный сам по себе, он, разумеется, слишком короток для того, чтобы послужить хотя бы наброском библиографии на подобную тему. Отсутствие же некоторых ссылок объясняется не столько неблагоприятным суждением о книгах, сколько необходимостью строгого отбора.

Было невозможно рассказать в одном-единственном томе вместе с историей Англии ни историю Шотландии, ни историю Ирландии. Отношения между этими тремя странами описывались всякий раз, когда это было необходимо, но самым кратким образом. По тем же причинам история Британской империи излагается здесь лишь применительно к внутренней истории Англии.

Я должен горячо поблагодарить мистера Джаджиза, преподавателя Лондонского университета, пожелавшего прочитать корректуру моего труда и сделать замечания по многим пунктам, которые я учел. И наконец, мой переводчик и друг Хемши Милз был и по-прежнему остается для меня самым ценным из советчиков.

А. М.

Книга первая Истоки

©DIOMEDIA / Robert Harding

I. Положение Англии

1. «Нам всегда надлежит помнить, что мы соседи, но не часть континента». Эти слова Болингброка определяют своеобразное положение Англии. Она так близка к континенту, что с берега Кале видны белые утесы Дувра – вечное искушение для захватчика. Многие тысячелетия она даже соединялась с Европой, а Темза долго впадала в Рейн. Животные, вновь заселившие Англию после ледникового периода, и первые охотники, которые за ними последовали, пришли из Европы по суше. Но каким бы мелким и узким ни был пролив, который по-прежнему отделяет английский остров от Бельгии и Франции, его хватило, чтобы обеспечить этой стране необычную судьбу.

2. «Островная, но отнюдь не изолированная». Европа была слишком близка, чтобы островной характер нравов и представлений англичан не подвергся никаким влияниям. Можно даже сказать, что этот островной характер – явление скорее человеческое, нежели природное. В начале своей истории Англия, как и другие земли, не раз подвергалась нападениям и защищалась очень плохо. Она жила тогда земледелием и скотоводством. Населявшие ее люди были скорее пастухами и крестьянами, нежели купцами и мореходами. Лишь гораздо позже, построив мощный флот, англичане почувствуют себя в безопасности за поясом надежно защищенных боевыми кораблями морей и познают настоящие выгоды своего островного положения, поскольку оно, избавив их от страха вторжений и освободив на несколько веков от военных тягот, которых требовала политика от других народов, позволит им без особого риска опробовать новые формы правления.

3. Благоприятному случаю было угодно, чтобы наиболее легкодостижимой частью Англии была обращенная к Европе равнина в юго-восточной ее части. Если бы поверхность острова имела наклон в другую сторону, если бы кельтские и скандинавские пираты во время своих первых экспедиций обнаружили одни только неприступные скалы, то, возможно, лишь немногие из них отважились бы на вторжение, и тогда история страны была бы совсем иной. Но приливные волны несли суда вглубь широких, хорошо защищенных от ветра устьев; поросшие травой известняковые холмы позволяли обследовать остров, избегая лесов и болот; наконец, климат тут был мягче, чем в других землях тех же широт, поскольку Англию зимой согревают теплые и влажные океанские туманы. Так что все черты этого побережья были просто созданы для того, чтобы поощрить завоевателя, который стал бы заодно и творцом.

Замковая скала в Долине камней. Линтон и Линмут, Девоншир. Фотография конца XIX в.

4. Эта столь легкодостижимая Англия расположена прямо напротив границы между двумя историческими областями Франции – Артуа и Французской Фландрией, границы, которая отделяет романские языки от германских (сегодня это французский и фламандский). Так что ей было суждено принимать посланцев и от романско-латинской культуры, и от тевтонской. На протяжении веков эта способность сочетать элементы обеих культур, чтобы претворить их в собственный гений, будет еще одной из ее особых черт. И в этом Англия глубоко отличается от Франции или Италии, где, несмотря на привнесение некоторых германских элементов, всегда преобладала латинская основа, а также от Германии, для которой латинская культура всегда была лишь украшением, которое подчас с отвращением отбрасывалось. Трижды – в результате римской колонизации, христианизации и нормандского завоевания – Англия соприкоснется с латинским миром, и впечатление, которое он произведет на нее, будет глубоким.

5. Каким бы парадоксальным это ни показалось, но надо заметить, что между XV и XVII в. положение Англии на карте мира изменилось. Для народов Античности и Средних веков эти земли, так часто окутанные туманом, были крайней границей мира. Эта далекая Туле (Фула, Θούλη), магическая и почти нечеловеческая, была очень близка к преисподней. За ее утесами, о которые бились громадные волны Океана, на запад простиралось бесконечное море, а на север – вечные льды. Лишь самые дерзкие отваживались заплывать туда ради золота, жемчуга, а позже шерсти, но как они могли вообразить себе чудесное будущее этих островов? В те времена всякая человеческая деятельность имела своей прямой или косвенной целью Средиземноморский бассейн. Понадобится мусульманская преграда, открытие Америки и особенно эмиграция пуритан, чтобы сдвинуть торговые пути в сторону этого нового мира и превратить Британские острова в самую передовую морскую базу Европы.

Ян Виллем Блау. Карта Британии и Ирландии. Гравюра из Atlas Novus. 1634

Уффингтонская белая лошадь. Гигантский доисторический рисунок на склоне холма в графстве Оксфордшир. Бронзовый век

©DIOMEDIA / Science Photo Library RM

6. Наконец, в XVIII и XIX вв. островное положение позволило Англии, находившейся под защитой своего флота, приобрести больше внутренней свободы, чем имелось тогда у континентальных народов; оно же позволит ей благодаря этому флоту создать мировую империю. Имперская история этой нации частично объясняется ее морским владычеством, решившим проблему национальной обороны, стоявшую перед Англией из-за ее географического положения. А изобретение аэроплана стало для нее самым значительным и самым опасным историческим событием нашего времени.

II. Первые следы человека

1. Первая страница английской истории отнюдь не является белой, как об этом часто писали, скорее она покрыта знаками из многих алфавитов, ключом к которым мы не располагаем. Некоторые части страны, в частности пологие меловые холмы Уилтшира, усеяны монументами, возведенными в доисторические времена. Рядом с деревней Эйвбери можно видеть гигантские следы настоящего мегалитического собора. Более пятисот установленных вертикально камней образуют там круги, к которым ведут огромные подъездные дороги. Вал, окаймленный внутренним, поросшим травой рвом, окружает широкое круглое пространство. С этого вала еще и сегодня виден находящийся в нескольких сотнях метров огромный курган, который возвышается над равниной. Он наверняка потребовал от безвестного первобытного народа не меньше трудов, веры и силы духа, чем монументы Гизы от древних египтян. На всех окрестных холмах возвышаются покрытые дерном малые курганы неправильной формы, одни овальные, другие круглые, – могилы вождей, в каменных погребальных камерах которых были найдены скелеты, гончарные изделия и украшения. Это поле героев, простые и величественные очертания курганов, вырисовывающиеся на фоне неба, смелые и четкие очертания вала, кругов и подъездных дорог – здесь уже все говорит о выдающейся цивилизации.

2. Похоже, что монументы Эйвбери, святилище Стоунхенджа, курганы Холма Гигантов доказывают существование во втором тысячелетии до Рождества Христова «многочисленного населения, привыкшего объединяться для совместных действий под руководством некоей принятой им власти». По гребням холмов были проложены грунтовые тропы, служившие дорогами первым обитателям страны. Многие из них сохранили свое значение по сей день, и современный английский автомобилист, как и пастухи, перегонявшие стада в XVIII в., все еще пользуется этими верхними путями, идущими над долинами – ныне плодородными, но когда-то совершенно недоступными для путешественника из-за лесов и болот. Таким образом, в этот окутанный тайной период были намечены некоторые сохранившиеся надолго черты людской географии. Многие капища первобытных народов останутся для их преемников полными очарования достопримечательностями. Уже тогда природа подсказывала местоположение будущих городов. Кентербери был наиболее близкой к побережью остановкой на дороге, откуда было возможно, следуя требованиям приливов и отливов, достичь в удобное время той или иной гавани; Винчестер занимал такое же положение на западе; в Лондоне сохранилось мало следов доисторической жизни, но ему вскоре предстояло стать незаменимым, потому что именно там, в глубине приливного устья Темзы, было самое надежное укрытие, а заодно наиболее близкое к морю место, где через нее можно было перебросить мост.

Стоунхендж. Гравюра из атласа Яна Янсониуса. Середина XVII в.

3. Откуда же пришли эти люди, которые после исчезновения палеолитического человека и окончания ледникового периода заселили Англию, приведя с собой быка, козу и свинью? Скелеты свидетельствуют о двух расах: одной – с удлинённым черепом, другой – с круглым. Раньше утверждалось, что удлинённые черепа находили в овальных могильниках, а круглые – в круглых. Это было удобно, но неточно. К несчастью, длинные черепа были обнаружены и в круглых курганах, так что понадобилось немало интеллектуальной снисходительности, чтобы выделить среди мегалитических памятников Англии две различные цивилизации. Обычно эту первобытную популяцию именуют иберами и полагают, что она прибыла из Испании. Испанская или нет, она несомненно была средиземноморского происхождения. Приехавшего с Мальты путешественника поражают в Стоунхендже общие черты мегалитических памятников этих столь отдалённых друг от друга мест. Без сомнения, в доисторические времена от Средиземноморья до берегов Океана, включая Британские острова, простиралась достаточно однородная цивилизация, подобно тому как позже в средневековой Европе возникнет так называемый христианский мир. Эту цивилизацию принесли в Англию иммигранты, сохранившие связь с континентом благодаря купцам, которые приплывали в Британию за металлами, а в обмен привозили продукты Леванта и янтарь Балтики. Мало-помалу жители островов вслед за жителями материка познакомились с новыми технологиями: земледелием, строительством длинных судов и плавкой бронзы. Важно представить себе медлительность этого прогресса, занявшего у людей многие века. Тонкая пленка исторических времен покоится на глубоких доисторических пластах, а бесчисленные поколения, от которых не сохранилось других осязаемых или зримых следов, кроме обтесанных и поставленных вертикально камней, дорог и обустроенных источников, оставили человеку в наследство слова, обычаи и приемы, без которых продолжение авантюры было бы немислимо.

III. Кельты

1. Между VI и IV вв. до Рождества Христова в Англию и Ирландию стали прибывать последовательными волнами воинственные скотоводческие племена, мало-помалу вытеснившие иберов. Эти племена принадлежали к кельтской народности, занимавшей огромные территории в долине Дуная, к северу от Альп и в Галлии. Почему они пустились в путь? Возможно, потому, что пастушеские народы обречены следовать за своими стадами, которых голод гонит к новым пастбищам. Без сомнения, к этому примешивались и чисто человеческие причины: авантюрный характер вождя, стремление к завоеваниям, давление более сильного народа. Эти миграции были медленными и продолжительными. Какой-нибудь клан пересекал Ла-Манш и устраивался на берегу моря, затем новый клан изгонял его, и тот отходил немного дальше, в свой черед оттесняя местных жителей. Эти кельтские племена любили войну, даже междоусобную. Их мужчины были высоки и сильны, питались свининой и овсянкой, пили пиво и ловко управляли колесницами. Греческие и латинские писатели описывали кельтов как рослых, белокожих и светловолосых людей с несколько рыхловатым телом. На самом деле среди кельтов было немало темноволосых, так что триумфаторам, чтобы пройти победным маршем по Риму, приходилось отбирать пленников, соответствующих народным представлениям, и даже красить им волосы. Да и сами кельты создали идеальный тип своей расы и старались к нему приблизиться – обесцвечивали себе волосы и красили тело в пастельные тона, так что римляне позже прозвали шотландских кельтов *Picti*, то есть раскрашенные люди.

Круглые дома кельтов в Ярлсхофе (Шетландские острова). Железный век. Фотография Д. Ломакса

©DIOMEDIA / Robert Harding

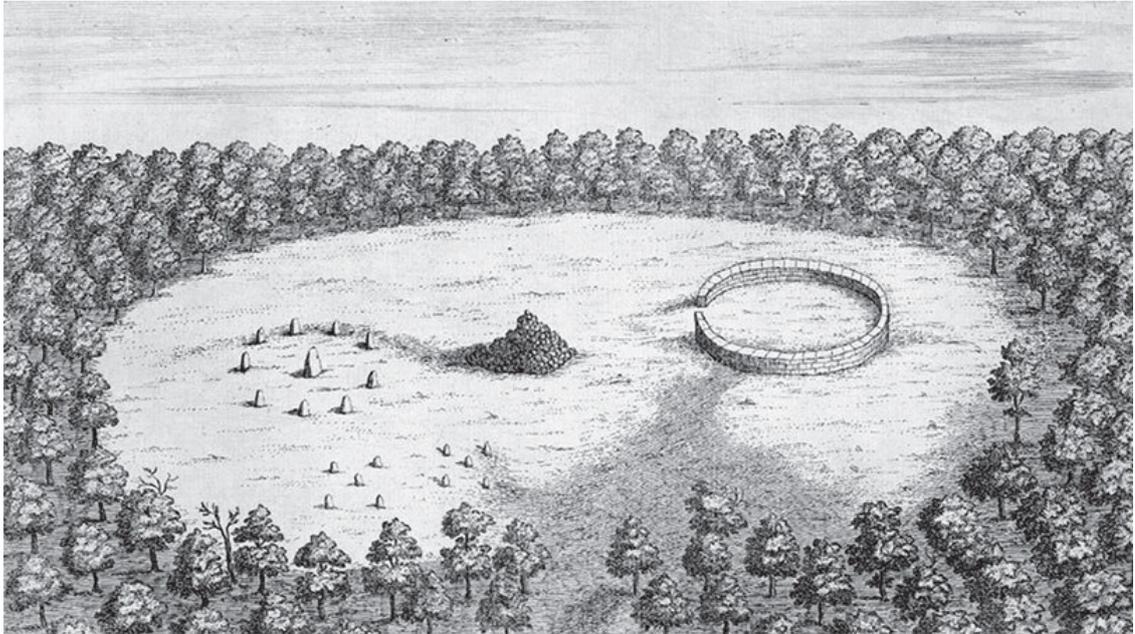
Томас Джеффрис. Пиктская женщина. Гравюра. 1790

Томас Джеффрис. Пикт-воин. Гравюра. 1590

2. В этом долгом и медленном кельтском нашествии историки выделяют две основные волны: первую, состоявшую из гойделов, или гэлов, которые дали свой язык, гэльский, Ирландии и шотландскому Хайленду, и вторую, состоявшую из бриттов, или притонов, чей язык стал языком валлийцев и французских бретонцев. В самой Англии из-за германских вторжений кельтские языки позже исчезли. Сохранилось всего несколько слов, относящихся к домашней жизни, уцелевших благодаря кельтским женщинам, которые стали женами завоевателей, например *cradle* (колыбель), да еще топонимы. У названий *avon* (река) и *ox* (вода) – кельт-

ские корни. Похоже, что *Лондон* и латинское *Londinium* тоже восходят к какому-то кельтскому названию, аналогичному названию французской деревни *Лондиньер*. Гораздо позже некоторые кельтские слова были реимпортированы в Англию шотландцами (*klan, plaid, kilt*) и ирландцами (*shamrock, log, gag*). *Slogan* американской рекламы – это кельтское слово, которое значит «боевой клич». Что касается наименования *Britons* или *Prythons*, то оно означало «Страна татуированных людей». Грек Пифей, приплывший к этим островам в 325 г. до Рождества Христова, дал им название *Бреттания* (*αι Βρεττανιαι*), которое они сохранили почти без изменений.

Большое святилище и роща друидов на острове Англси. Гравюра Джона Харриса с рисунка Уильяма Стьюкли. Около 1740

Уильям Стьюкли. Британский друид. Гравюра из серии «Стоунхендж». 1724

3. Пифей был греком из Массалии (современный Марсель), математиком и астрономом, которому купеческий синдикат поручил исследовать Атлантику. Именно он первым осветил этот темный регион, где, по мнению людей его времени, проходила граница мира. В этих легендарных краях Пифей нашел относительно цивилизованную страну. Его, уроженца Средиземноморья, удивили приливы и отливы Атлантики; он отметил, что здешний народ возделывал зерновые культуры, но из-за влажности климата был вынужден молотить зерно на закрытом гумне. Бритты, которых он наблюдал, пили забродившую смесь зерен и меда и торговали оловом с галльскими портами на континенте. Через 200 лет другой путешественник, Посидоний,

опишет нам сами оловянные рудники и путь, которым слитки доставлялись сначала на спинах ослов или лошадей, а потом на судах до острова Иктис, которым был, вероятно, нынешний Мон-Сен-Мишель. И эта торговля была достаточно значительной, чтобы оправдать хождение золотых монет, которые кельты копировали со *статеров* Филиппа Македонского. Первая отчеканенная в Англии монета изображала голову Аполлона – достаточно хороший символ средиземноморского происхождения этой цивилизации.

4. Лучшим документом, которым мы располагаем об образе жизни кельтов, является свидетельство Цезаря. Каждый город, каждое селение и почти каждый род делился на две части. Влиятельные люди из каждой части оказывали покровительство своим сторонникам. У этих народов не было понятия о государстве, и они не оставили никакого политического наследия. Государство в Англии и Франции – творение латинско-германское. Если бы кельты объединились, они стали бы непобедимы, но вечные распри умаляли значение их отваги и ума. Кельтский клан был не тотемическим, а семейным, что создавало гораздо более крепкие узы, но и являлось препятствием для развития более крупных сообществ. И мы видим, что в кельтских по происхождению странах именно семья осталась ячейкой социальной жизни. У ирландцев, даже у тех из них, кто эмигрировал в Соединенные Штаты, политика остается клановым делом. Со времен Цезаря семейные кланы «имели склонность к эмблемам, гербам, цветам... Так что разноцветные тартаны шотландских кланов тоже, возможно, имеют кельтское происхождение». Согласно Цезарю, жизнь сельскими общинами, которая сыграет столь заметную роль в истории Англии, с полями и пастбищами, находившимися в общем владении, была свойственна скорее германцам. Она совершенно несовместима с кельтской системой противоборствующих группировок, которую он описывает. Впрочем, земледелие для едва оседлых кочевников было гораздо менее важным, нежели охота, рыбная ловля или скотоводство. В Уэльсе вплоть до Средних веков жители переносили свои селения туда, где находили новые территории для выпаса скота, охоты и даже земледелия.

5. Самым почитаемым классом у кельтов были друиды, то есть жрецы. Больше всего похожи на этих друидов индийские брахманы или иранские маги. Многие кельтские верования напоминают Восток. Голодовка, ирландская практика, сравнима с постом индусов (*dharna*), когда брахман постится у дверей своего противника до тех пор, пока не получит удовлетворения. Во времена Цезаря самых почитаемых друидов можно было найти именно в Британии. Каждый год они собирались в некоем месте посреди страны, быть может в Стоунхендже, но их святилищем, их святая святых был остров Мона (Англси). Те из галлов или белгов, кто хотел приобрести углубленные познания, отправлялись на учебу в Британию. Там они запоминали наизусть большое количество стихов со священными наставлениями. Друиды учили, что «смерть является лишь переселением и что жизнь во всем ее многообразии и вместе с ее благами продолжается и в мире мертвых, который представляет собой хранилище незанятых душ... Похоже, что для них запасы душ не ограничиваются родом человеческим и они верят в метампсихоз» – еще одна черта, общая с Востоком.

Изделие из серебра с пиктской символикой. До X в.

Бронзовый диск из Дерри. До VII в.

Пиктская брошь с острова Св. Ниниана (Шетландские острова). До X в.

Пиктский рельеф с изображением конного воина. X в.

6. Между кельтами Британии и белгами, жившими по другую сторону Ла-Манша, отношения были тесными и постоянными. Во время римского вторжения британские кельты отправили подмогу своим братьям на континенте. Однако Цезарь заметил, что островные кельты были хуже вооружены, чем кельты в Галлии. Галльские кельты отказались от архаичной боевой колесницы, потому что нашли на южных равнинах достаточно хороших лошадей. Бритты же, не располагавшие лошадьми, способными нести всадника, сражались подобно воинам Гомера и все еще заменяли кавалерию пехотой, которую подвозили к полю боя.

7. После своего поражения как в Британии, так и в Галлии сметливые и ловкие кельты охотно перенимали достижения римской цивилизации. «Именно галльские учителя, получившие образование в друидских школах, дали Галлии ее классическую культуру... Позже, в Средние века, ирландские монахи напомнили Европе о культе греческой и латинской учености». Но кельты были не только хорошими посредниками при передаче чужой культуры. Они и сами имели склонность к искусству и, украшая спиральными орнаментами свое оружие и гончарные изделия, проявляли больше фантазии, чем когда-либо было у римлян. В европейскую литературу они привнесли восточную тягу к таинственности и присущее им драматическое представ-

ление о неизбежности. Быть может, именно своими историями о короле Артуре, о Тристане и Изольде кельтский гений оставил особенный след в Европе. В формировании современной Англии кельтские элементы, сохраненные на западе островов, сыграли большую роль; в XX в. мы неоднократно увидим во главе английских правительств и войск шотландцев, валлийцев и ирландцев.

IV. Римское завоевание

1. Слабым народам трудно остаться свободными, если они находятся по соседству с мощной военной державой. После завоевания Галлии следующей естественной целью для военной кампании римлян стала Британия. Цезарь нуждался в победах, чтобы удивлять Рим, и в деньгах, чтобы вознаграждать солдат и своих сторонников. На этих сказочных островах он надеялся найти золото, жемчуг, рабов. Кроме того, он считал полезным устрашить британских кельтов, помогавших континентальным в войне против него. В конце лета 55 г. до Рождества Христова он решил отправиться за море в короткую разведывательную экспедицию и навел справки у галльских купцов, которые по неведению или злонамеренно обманули его. Излюбленным методом Цезаря в политике завоеваний было постепенное продвижение от племени к племени, используя одних против других. Но в этой аванюре, которую он предпринял экспромтом, его подгоняло время. Отправив один корабль на разведку, чтобы подобрать благоприятное место для высадки, он отплыл следом с двумя легионами.

2. Операция прошла не слишком успешно. Предупрежденные бритты со значительными силами ждали римлян на берегу. Легионеры, вынужденные в полном вооружении спрыгивать с транспортных судов в довольно глубокое море и преодолевать натиск волн, с большим трудом находили дно под ногами. Цезарю пришлось отрядить две галеры с лучниками и пращниками, чтобы прикрывать высадку заградительным дождем метательных снарядов. Сила римлян была в дисциплине и военной науке, существенно превосходящей боевые навыки бриттов. Едва высадившись, ветераны легиона сумели разбить лагерь, защитить свои корабли и построить «черепашку» из сомкнутых щитов. У кельтов же были тысячи колесниц. Когда передвигавшаяся на них пехота спешивалась и вступала в бой, возницы удалялись на небольшое расстояние, готовые забрать своих людей в случае поражения или отступления. Несмотря на частичный успех, Цезарь быстро осознал, что его маленькая армия не будет здесь в безопасности. Бурное море уже уничтожило некоторые из транспортных судов. Приближались приливы равенствия. Он воспользовался небольшим преимуществом, чтобы добиться обещания заложников, и, сохранив лицо, неожиданно снялся с якоря незадолго до полуночи. Потом отправил в сенат столь блестящее сообщение по поводу этой бесславной экспедиции, что тот проголосовал за двадцатидневное *supplicatio*, чтобы отметить «победу» Цезаря.

3. Но Цезарь был слишком реалистичен, чтобы не сделать выводов из своей неудачи. Он познакомился с природой страны, с ее гаванями и тактикой бриттов; поняв, что их нельзя победить без кавалерии, он решил вернуться в следующем, 54 г. до Рождества Христова. На этот раз бритты объединились перед лицом грозной опасности и выбрали себе единого вождя, Кассивелауна, чьи земли располагались к северу от Темзы. К этой реке и направилось римское войско. Прибыв на ее северный берег, Цезарь ловко начал переговоры. Он извлек выгоду из уже разбуженной зависти прочих кельтских вождей, настроил кое-кого из них против Кассивелауна, склонил к подчинению одни племена, другие победил оружием и, наконец, вступив в переговоры с самим Кассивелауном, назначил дань, которую Британия обязалась ежегодно платить римскому народу. В действительности с 52 г. эта дань перестала выплачиваться, а внимание Рима отвлекла от бриттов гражданская война. Цицерон насмеялся над этим «завоеванием», которое не принесло ничего, кроме нескольких рабов, пригодных лишь к самому грубому труду, поскольку среди них не оказалось ни образованных людей, ни музыкантов, так что все это было скорее внутривосточной операцией, нежели имперской победой.

4. После смерти Цезаря Британия была забыта на целый век. Однако Галлия, ставшая совершенно римской по духу, отправляла туда купцов. Там была в ходу имперская монета. Поэт Марциал (43–104) хвастался, что нашел там читателей, и с восторгом говорил об одной британке, вышедшей замуж за римлянина, которой очень понравилось в италийском мире. Во

времена императора Клавдия различные группы римлян требовали завоевания: полководцы видели в этом источник славы и выгоды; купцы-экспортеры утверждали, что безопасность торговли требует присутствия легионов; галльские администраторы жаловались, что на Галлию дурно влияют друиды, чей активный центр оставался в Британии; многочисленные чиновники надеялись на должности в новой провинции. Так что в 43 г. от Рождества Христова Клавдий отправил экспедиционный корпус, образованный из четырех легионов (II Augusta, XX Valeria Victoria, XIV Gemina Martia Victoria и знаменитый IX Hispana из Дунайской армии), что составляло, учитывая вспомогательные войска и кавалерию, около 50 тыс. человек. С такой армией завоевание было довольно легким, и только в горных районах Уэльса и Шотландии римлянам оказали серьезное сопротивление. Остров Мона, религиозный центр друидизма, выставил против врага полчище ужасных воинов, среди которых выделялись женщины с распущенными волосами, размахивающие зажженными факелами, а тем временем сами друиды в белых одеждах, сомкнув ряды и воздев руки к небесам, призывали богов. На юго-востоке, который уже казался усмирленным, из-за несправедливостей первых римских администраторов вспыхнуло яростное восстание под руководством королевы по имени Боудикка (или Боадицея). В какой-то момент завоеватели даже оказались в опасности, но все закончилось избиением бриттов. С начала II в. вся плодородная южная равнина оказалась под властью римлян.

Расправа римских солдат над друидами на острове Англси. Гравюра из книги Томаса Пеннанта «Путешествие в Уэльс» (1778)

5. Римский метод оккупации совершенно не менялся: прокладка великолепных дорог, которые позволяли легионам стремительно перемещаться по стране, и строительство крепостей, в которых проживали постоянные гарнизоны. Большая часть английских городов, чье название оканчивается на *chester* или *cester*, были во времена завоевания укрепленными рим-

скими лагерями (*castra*). По окончании срока службы ветераны легионов удалялись на покой в британские городки Камулодунум (Колчестер) и Веруланум (Сент-Олбенс). Города севера Линкольн и Йорк изначально были всего лишь гарнизонными поселениями. Лондон (Лондиниум) вырос во времена римлян, потому что они пустили через этот пункт все дороги, соединявшие север с югом, главная из которых (позже превратившаяся в Уэйтлинг-стрит) шла из Лондона в Честер. Великолепная лондонская гавань использовалась для снабжения армии.

6. В маленьких, основанных римлянами городках улицы пересекались под прямым углом; традиционное место занимали бани, храм, форум, базилика. Очень скоро юг Англии оказался усеянным маленькими римскими домиками. Настенная живопись и мозаики на полу изображали классические сцены: истории Орфея или Аполлона. Чиновники и солдаты старались воссоздать в этом туманном климате, хоть и довольно бедно, декорации Италии. В Бате (*Aquae Sulis*), который был «Симлой римской Британии, в то время как Лондон был ее Калькуттой или Бомбеем», они построили совершенно римский водный курорт. Кельты, по крайней мере часть из них, вполне приспособились к этой новой жизни. Быть может, они проявили бы больше строптивости, если бы почувствовали, что их к этому принуждают, но римская политика уважала местные обычаи. Она позволяла туземцу по собственному побуждению прийти к цивилизации, имевшей огромную притягательность. Впрочем, римская иммиграция была слишком малочисленной, чтобы притеснять: несколько купцов, несколько ростовщиков, офицеры да чиновники. Солдаты очень быстро ассимилировались с местными уроженцами или были заменены ими. Дети, которых легионерам рожали туземные женщины, воспитывались рядом с военными лагерями и позже сами пополняли армию. Римская цивилизация «была экспансией не расы, но культуры».

Интерьер терм в поселении Акве-Сулис (современный Бат). I–III вв.

7. Этот метод мирного проникновения был особенно удачно применен тестем Тацита Агриколой (79–85). Это был новый тип римского управленца. Он уже не походил на проконсулов-аристократов, которые одновременно закладывали основы империи и разоряли ее. Обладая всеми добродетелями и слабостями своего класса, Агрикола был крупным администратором. Сам провинциал, он поэтому внушал больше симпатии тем провинциалам, которыми управлял, и лучше понимал их, когда те оказывали сопротивление. Он добился некоторых военных успехов, но, «поняв, что силой оружия достигается мало, если потом дать волю несправедливости, захотел в корне пресечь причины войн». Агрикола сам вникал в дела, назначал на административные должности порядочных людей, противодействовал незаконным поборам со стороны сборщиков податей и старался поощрять кельтов к участию в римской жизни. Приглашая их строить бани и рынки, «восхваляя деятельных и порицая нерадивых, он заменил принуждение соревнованием за почести. Он велел воспитывать сыновей вождей поримски. И мало-помалу те облачились в тогу... Кто узнал бы прежнего варвара-галла в столь элегантном рыжеволосом римляnine?» Многие из кельтов стали таким образом двуязычными. В Лондиниуме говорили на латыни, а на набережных, разумеется, слышался также греческий и другие языки средиземноморских моряков. Нашли черепицу, на которой какой-то рабочий, чтобы подтрунить над товарищем, написал по-латыни: «Анстилис каждый день отпрашивается на неделю». Такие граффити доказывают, что некоторые ремесленники достаточно знали латынь, хотя для народных масс обиходным языком оставались кельтские диалекты.

Голова Минервы из римских терм в городе Бат. I–IV вв.

8. Для такой романизации Британии религия не могла быть препятствием. Веротерпимые римляне охотно присоединяли к своему пантеону незнакомых прежде богов. Если они преследовали друидизм и почти полностью его уничтожили, то лишь потому, что видели в нем поли-

тическую угрозу. Но кельтский бог войны Тутатис (Тевтатис) был отождествлен ими с Марсом. В крупных городах они воздвигли храмы императорам, Юпитеру, Минерве. Множество найденных в Англии надписей и мозаик содержат молитвы к Матерям, *Deae Matres*, – богиням, культ которых был, без сомнения, занесен с континента чужеземными солдатами. Другие легионеры поклонялись Митре, а в Лондоне нашли даже храм богини Изиды. Христианство наверняка было известно в Британии с III в. от Рождества Христова; в начале IV в. в Лондоне был уже свой епископ, Реститутус, о котором известно, что он присутствовал на Арльском синоде вместе с двумя другими британскими епископами. Его диоцез, наверное, был маленьким и бедным, поскольку верующие, не имея возможности оплатить поездку своего епископа, открыли для него подписку в Галлии.

9. В то время как юг и центр Британии становились, таким образом, живой частью империи, на севере римская оккупация совершенно не продвинулась. Там, где начинались пустоши, заросшие вереском и густым кустарником, обитало полудикое племя бригантов, а дальше на север еще один кельтский народ – пикты, сопротивлявшиеся любому мирному проникновению. Эти строптивые, непримиримые племена, привлеченные относительным богатством кельто-римских городов, время от времени отправлялись на юг в грабительские набеги. И тщетно римские полководцы пытались их преследовать. Агрикола, благодаря прекрасному совместному маневру армии и флота, счел их побежденными, но, едва римляне оккупировали Шотландию, слишком растянутые линии их коммуникаций стали уязвимыми, и в результате набега бригантов был истреблен IX легион. Как раз после этой катастрофы, в которой погибло столько солдат, император Адриан в 120 г. лично прибыл в Британию, приведя с собой VI Победоносный легион (*Victrix*). Отказавшись от завоевания севера, он решил укрепить границу, построив от реки Тайн до залива Солуэй четырнадцать крепостей, которые соединил сначала непрерывным земляным валом, а потом вскоре добавил к ним и каменную стену с постоянным гарнизоном. В итоге Адриан отказался от мысли победить непокорные племена и ограничился их сдерживанием, как в Каледонии, так и в Центральной Европе. Позже это «благоразумие» приведет к падению империи.

Фрагмент рельефа с изображением морского божества. Веруланум (современный Сент-Олбанс). III–IV вв.

V. Конец римской Англии

1. Начиная с III в. Римской империи, несмотря на некоторые прекрасные порывы, угрожал тройной кризис – экономический, религиозный и военный. Римский капитализм основывался на недальновидной эксплуатации богатств провинций; борьба между язычеством и христианством разделила императоров и граждан; военная мощь Рима рухнула. Система непрерывной границы (то есть линия крепостей, соединенных стенами) провалилась. В Британии этот метод оказался чуть более эффективным, нежели в других местах, потому что граница, которую надлежало охранять, была коротка. На континенте же потребовалось заменить укрепленные линии мобильными войсками. Но и сами легионы показали свою неспособность справиться с варварской конницей. Вскоре меч и дротик уступят место луку и копью, а победы готов, сформировавшихся в русских степях, великом краю всадников, стали предвестием скорой замены легионера рыцарем. «Главное изменение, которое определит военное искусство на 12–13 веков вперед, состоит в том, что преобладающей становится не пехота, а кавалерия». Чтобы обзавестись конницей, в которой империя так действительно нуждалась, она нанимает варваров; вначале это всего лишь вспомогательные войска, потом они входят в состав легионов и, наконец, становятся самими легионами. В середине IV в. слово «военный» стало синонимом варвара. «Нет ничего хорошего в войсках, если они уже не римские».

2. В Британии, куда варварская конница не имела доступа за неимением транспортных судов, римский мир сохранился дольше, чем в материковых провинциях, и в первой половине IV в. мы видим здесь апогей римской культуры. Однако, как и в других местах, армия тут перестала быть римской. Гарнизон стены Адриана состоит из местных, никогда не сменяемых подразделений. Первая дакская когорта проводит здесь два века. Прижившийся солдат становится колонистом. Мало-помалу британские легионы забывают свои связи с Римом. И однажды они провозгласят своего собственного императора, который отправится на континент бороться с другими претендентами из других провинций. В этих распрях и погибнет империя. Уход легионов – отправились ли они защищать удачу собственного военачальника или же императора, из последних сил призвавшего их из Рима, – станет для Британии тем более важным событием, что гражданское население за долгие годы римского мира утратило все свои воинские добродетели. Ни богатый владелец *виллы*, то есть римского имения, ни крестьяне из кельтских деревушек, ни рабы не являются солдатами. В том и состоит опасность для процветающих цивилизаций: гражданин тут забывает, что его свобода в конечном счете зависит от его же воинской доблести. Феодальный строй станет новой формой, которую приобретет местная самооборона, когда после суровых испытаний обитатели западного мира вновь откроют для себя ее необходимость.

3. Набеги пиктов и скоттов были на севере римской Британии давним и привычным злом. Ближе к концу III в. впервые появляется новая угроза: вторжение на побережье франкских и саксонских варваров. Однако ведь существовал римский флот, задачей которого как раз и была охрана Северного моря и Ла-Манша (*Classis Britannica*). Без сомнения, этого оказалось недостаточно, поскольку около 280 г. Римской империи пришлось назначить нового флотоводца, Караузия, с особым поручением пресечь саксонские набеги. Но этот Караузий, которому грозило расследование по обвинению в том, что он с гораздо большим пылом грабил грабителей, нежели защищал провинцию, вдруг поднял мятеж, призвал из Галлии франкских наемников и был провозглашен императором в собственных войсках. С 286 по 293 г. узурпатор, защищенный своим флотом, царил над Британией. Прелюбопытной фигурой был этот кельтский император, вплоть до Руана чеканивший монеты в честь «*Roma aeterna*» и другие, на которых фигура Британии говорила ему: «*Expectate veni*». Но успех его дерзкого предприятия доказывал слабость империи. Когда Диоклетиан восстановил наконец порядок, он постарался, во избежа-

ние таких *pronunciamentos*, разделить власть в Британии между тремя лицами: гражданским правителем, главнокомандующим (*Dux Britanniarum*) и отвечавшим за саксонское побережье сановником (*Comes littoris saxonici*), который подчинялся префекту Галлии, а не правителю Британии. Эта организация доказала свою эффективность на протяжении всей первой половины IV в., и вторжения прекратились.

4. «Конец римской власти над Британией совпадает с настоящим разгулом беспорядков и военных мятежей, тем более непростительных, что это был момент крайней опасности для империи». Около 384 г. легионы Британии провозгласили императором своего военачальника Максима, очень популярного среди них и замечательного полководца. Оставив в Британии только охранявший стену Адриана гарнизон, он увел солдат в Галлию сражаться с императором Грацианом. Однако, победив его, он и сам был побежден и обезглавлен императором Восточной Римской империи Феодосием. Его легионы так и не вернулись в Британию. «Одна из самых прекрасных кельтских легенд повествует о приключениях римского императора Максена Вледига (очевидно, Максима), который, заснув на охоте и увидев во сне прекрасную принцессу, отправился на поиски и нашел ее в Британии. Он женился на ней и вознес Британию до высшей славы, но Рим забыл его, и ему пришлось покинуть свое новое королевство, чтобы вновь завоевать империю. Для этой экспедиции Британия предоставила ему легионы, которые так и не вернулись. С тех пор войско Максена населяет страну мертвых». *Notitia Dignitatum*, официальный документ, составленный между 400 и 403 г., определяет Британию как провинцию с многочисленными римскими воинскими подразделениями, но, без сомнения, к тому времени эти списки уже давно не обновлялись. На самом деле в конце IV в. большая часть легионов уже отправилась в страну мертвых. В 410 г., во время большого нашествия варваров на Рим, теснимый вандалами и бургундами правитель Западной Римской империи Стиликон запросил подкреплений из Британии. Солдаты, которые откликнулись на этот призыв и покинули остров, были не римлянами, а бриттами. Провинция почти лишилась защитников.

5. Что же произошло потом? Похоже, что пикты и скотты слишком осмелели, и, чтобы победить их, один бриттский вождь, Вортигерн, призвал на подмогу Хенгеста и Хорсу, руководителей саксов, и предложил им земли в обмен на силу их мечей. А те, как говорит хронист, проникнув на остров, обратились против своего нанимателя. Германские захватчики, которых привлекала эта богатая и плохо защищенная страна, становились все многочисленнее. Читаем под 408 г. в одной англосаксонской хронике: «В том году римляне собрали все сокровища, которые имелись в Британии. Часть из них они спрятали в земле, а остальное забрали с собой в Галлию». В наши дни найдены многие из этих сокровищ, в том числе предметы из серебра и золота. Все находки археологов свидетельствуют об ужасе, охватившем страну. Виллы и разрушенные дома несут на себе следы пожара. Многие тела остались без погребения. Тайники были поспешно замурованы. Беда Достопочтенный так описывает это нашествие: «Общественные и частные здания разрушены; священники преданы смерти перед алтарями. Среди тех, кто сумел убежать, одни, захваченные в горах, были истреблены; другие, оголодавшие, сдались и стали рабами, если не были убиты на месте. Третьи, с тоскою на сердце, бежали за море. Оставшиеся вели жалкую жизнь среди скал и гор». Большая часть кельтов укрылась в гористых западных областях, где проживает и по сей день. «Они остановились здесь, у самой кромки моря, цепляясь за береговые утесы. По ту сторону был другой мир. Они остались на своем берегу, ожидая лодку перевозчика». Саксы прозвали этих уцелевших валлийцами, *Welsh*, то есть *чужаками* (по-немецки *Welche*). Остальные кельты эмигрировали на полуостров Арморика, одну из самых пустынных провинций Галлии, и создали там Малую Британию, Бретань. Между обеими Британиями существовала долговременная связь. «Тристан – бретонец; Ланселот прибыл ко двору Артура из Франции; Мерлин сновал туда-сюда между двумя странами».

Чародей Мерлин перед королем бриттов Вортигерном. Иллюстрация к «Пророчествам Мерлина» Гальфрида Монмутского. 1250–1270

Монета Этельстана, правителя Мерсии, одного из семи англосаксонских королевств. VII в.

6. Завоевание острова саксами было медленным, а сопротивление захватчикам часто мужественным. В 429 г. святой Германий, епископ Оксера, прибыл в Веруланум, чтобы возглавить борьбу против пелагианской ереси (а это доказывает, что бритты еще находили время для занятий богословием). И вот, пока епископ был там, городу стали угрожать саксы и пикты. Тогда святой Германий возглавил войско, организовал засаду и в подходящий момент бросил христиан в атаку на варваров с криком «Аллилуйя!». И победил. В VI в. король Артур (или Арториус), мифический государь, который вдохновит столько поэтов, тоже одержал несколько побед над захватчиками. Однако после этого англ, саксы и юты окончательно стали хозяевами самой богатой части страны. И воистину достойно удивления почти полное исчезновение в Англии следов кельто-римской цивилизации. В Галлии, особенно на нашем юге, римские города и памятники прекрасно сохранились. Простонародная латынь предоставила основные элементы для французского языка. Английские же слова латинского происхождения либо относятся к научной лексике и приобретены гораздо позже, либо они французские времен нормандского завоевания Англии. Среди редких вокабул, которые восходят к первому римскому завоеванию, можно упомянуть лишь универсальное слово *Caesar*, затем *street*, то есть улица (*strata via*, которая обнаруживается в *Stratford*), *mile*, римская тысяча, *wall*, стена – от *vallum* и в заключение *chester* (*castra*)... Император, дороги, стена – и это все, что после 400 лет Рим оставил в наследство своей самой отдаленной провинции?

7. «Самый важный факт, который можно наблюдать во Франции и в Англии, состоит не в том, что там находят римские памятники, а в том, что *они сами и есть* римские памятники». В римском наследии Англия, как и вся Европа, обрела христианство и идею государства. Империя и римский мир останутся прекрасной мечтой лучших варварских властителей. Римскую культуру спасут священники и монахи Ирландии и Уэльса. Хронист Гильдас (Gildas) (около 540) цитирует Вергилия, а говоря о латинском языке, называет его «*Nostra lingua*» – «наш язык». Что касается полного уничтожения романизированных кельтов (теория, которую

некогда лелеяли саксонские историки), то с этим трудно согласиться. Редкие кельтские слова, сохранившиеся в английском языке, касаются домашней жизни, и это, похоже, доказывает, что захватчики брали в жены местных женщин. Из мужчин многие были перебиты, а остальные, без сомнения, стали рабами. Но, так же как некогда иберы, кельты отнюдь не были истреблены. Если современный англичанин так глубоко отличается от немца, это отчасти объясняется тем, что нормандское завоевание было для него вторым латинским завоеванием. А еще тем, что к крови германских захватчиков примешалась, и в довольно большой пропорции, кровь народов, которые им предшествовали.

VI. Англи, юты и саксы

1. «Крупные белые тела, дикие голубые глаза и рыжевато-белокурые волосы; они прожорливы и разогревают свои вечно голодные животы крепкими напитками; молодые люди поздно приобщаются к любви; и никто не стыдится пьянствовать день и ночь». Эти саксы и англй отличаются необузданным нравом. И они сохраняют его; даже через 15 веков, несмотря на строгие правила церемониального кодекса, порожденного самой этой необузданностью, их нрав останется менее гибким, чем у кельта или римлянина. Во времена завоеваний они придают мало значения человеческой жизни. Их любимое удовольствие – война; их история похожа «на историю воронов и коршунов». Но «под этим врожденным варварством таятся и благородные наклонности», в первую очередь «некоторая серьезность, которая сторонится фривольных чувств». Их женщины стыдливы, а браки целомудренны. Мужчина, выбравший своего вождя, остается верен ему. Жестокий с врагом, он предан сборищу таких же, как он сам. «Человек этого племени может подчиниться высшему, способен на преданность и уважение». Испытав на самом себе ужасную силу природы, он стал более религиозен, чем обитатели стран, где климат терпимее. У него пылкое и меланхоличное воображение. Пустыни, в которых он обитал, отличны от той, где родилась суровая библейская поэзия, но они подготовили его душу к восприятию Священного Писания. Когда ему будет явлена Библия, он проникнется к ней искренней и долговременной страстью.

2. Довольно легко представить себе высадку ватаги саксов. Занесенные волнами в широкое приливное устье, варвары либо поднимаются вверх по реке, либо идут вглубь страны по римской дороге. Натыкаются на усадьбу, окруженную возделанными полями или хижинами кельтского селения. Нигде не слышно ни голоса, ни крика. Перед дверями – трупы; оставшиеся в живых обитатели сбежали. Отряд голоден; в округе осталось немного домашней птицы, несколько животных; тут они и остановятся. Поскольку земля уже расчищена, саксы будут ее возделывать. Но они весьма остерегутся жить на римской вилле. Во-первых, та наполовину сожжена, да к тому же эти варвары наверняка суеверны и боятся теней убитых хозяев. Еще меньше эти люди, крестьяне, охотники и лесовики, привыкшие к свежему воздуху, захотят селиться в городах. И очень скоро римские городки будут заброшены. Эти германцы и в новой стране следуют своим прежним привычкам. Валят деревья, строят для вождя племени, знатного человека, большое бревенчатое помещение, а для себя хижины первопроходцев. Распределяя землю, община будет следовать германской традиции. Деревня (*town, township* от саксонского слова *tun* – ограда) будет коллективной собственностью, но каждому там выделят его определенный надел¹. До прибытия римлян кельты возделывали землю примитивным способом. Они распахивали поле, сеяли, собирали урожай, а когда земля истощалась, шли немного дальше. Методы саксов были эффективнее. Некоторые племена делили все пригодные для возделывания общинные земли на три поля и одно из них каждый год оставляли под паром, чтобы земля восстановила свою силу. Расчищая землю, сжигали траву, и зола служила удобрением. Потом делили каждое из трех общинных полей на участки, отгораживая их друг от друга узкими полосками дерна. Участки для каждой семьи выделялись на всех трех полях в разных местах, чтобы хорошие и плохие земли достались всем поровну. Луга тоже делились, до времени сенокоса. И наконец, огораживали общинный лес, где свиньи могли найти желуди, а люди – хворост.

3. Деревенская община состоит из семей, от 10 до 30, – это ячейка англосаксонской жизни. С экономической точки зрения она управляется маленьким собранием, *moot*, которое

¹ Разумеется, этот набросок схематичен. Захватчики весьма отличались друг от друга. В некоторых областях общие поля никогда не существовали, но дальнейшее дает некоторое представление о самом простом ходе этого процесса. – *Прим. авт.*

собирается под деревом или на холме и распределяет поля, определяет, сколько животных каждый имеет право отправить на общинные луга. Оно же назначает официального представителя деревни, *riwa* (*reeve*), который является одновременно мэром и распорядителем общинных владений; *wud-riwa* (*wood-reeve*), который занимается лесами, и землепашца, которому доверяют ходить за общинным плугом. Почти всегда в деревне имеется знатный человек, *thegn* или *thane*, военный вождь, имеющий право потребовать некоторых повинностей – натурой или работой. В те стародавние времена общественные классы еще нечетко определены. Ступенью ниже знатного человека стоит свободный человек, который ничего не должен знатному за свою землю, кроме *trinoda necessitas*, то есть военной службы, починки дорог и мостов. Деление на различные классы и разряды появилось позже, варьируя в зависимости от места и времени, но их общая черта состоит в том, что относящиеся к ним люди за что-либо платят – натурой или трудом. Наконец, многие деревни имеют своих рабов, быть может потомков пощаженных пленников, которые исчезают между VI и XI в.

Башня в Нортгемптоншире. Саксонский период. X в.

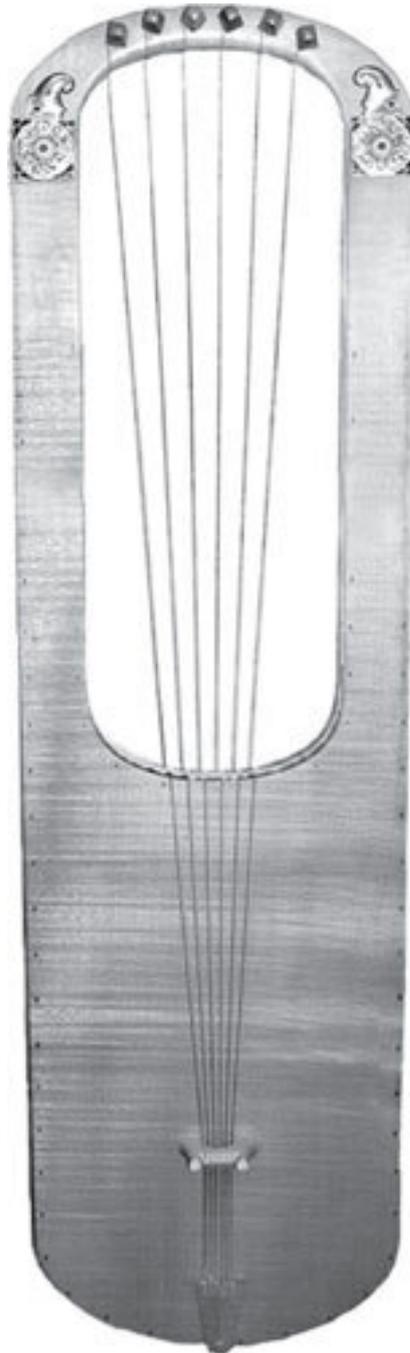
4. Возможно, что во время англосаксонского вторжения каждое новоприбывшее племя имело своего собственного вождя или короля, которому его *таны* (*thanes*) были лично преданы. Мало-помалу благодаря завоеваниям, бракам, расчистке новых земель образовались более обширные государства. Центральная власть, находившаяся тогда в зародыше, смогла навязать тот минимум административной организации, без которой невозможен ни набор войска, ни взимание податей. В VII в. в Англии еще существовали семь королевств. В VIII в. их

число сократилось до трех: на севере – Нортумбрия, в центре – Мерсия, к югу от Темзы – Уэссекс. К IX в. остался только Уэссекс. В каждом королевстве король происходит из одного и того же священного рода, но в его пределах совет мудрейших (*Witan*) до некоторой степени может выбирать. Совет не является представительным собранием, предвосхищением парламента или палаты лордов. Это даже не собрание наследственных пэров. Король призывает в него главных вождей, а позже, когда германцы будут обращены в христианство, также архиепископов, епископов и настоятелей монастырей. Этот немногочисленный совет мудрейших представляет собой также высший суд. Он может низложить дурного короля или отказаться, особенно во время войны, доверить королевство несовершеннолетнему. Так что эта монархия наполовину выборная, хотя и в пределах определенного рода. Королевство делится на *ширы* (*shires*), отсюда название английских графств (Уилтшир, Оксфордшир, Йоркшир); границы англосаксонских *широв* почти повсеместно совпадают с границами современных графств. Вначале *shire* был главным образом судебной единицей, местопребыванием суда, куда каждая деревня несколько раз в год посылала своих представителей. Вскоре короля там будет представлять *шериф* (*sheriff*), а местным правителем, одновременно военным вождем и председателем суда, станет *элдорман* (*ealdorman*). *Шир* делится на *сотни* (*hundreds*), которые являются либо группами из сотен семей, либо группами, которые выставляют сотню воинов; сами *сотни* подразделяются на *деревни* (*tuns*). Но эти административные подразделения, долго остававшиеся расплывчатыми, приобретут четкость и определенность лишь через несколько веков.

5. Правосудие вершится собранием – судом *шира*, а не представляющим центральную власть магистратом, как было у римлян. Каким же образом это собрание выносило свои приговоры? Этому мы не знаем. Наверняка были прения, а потом каким-то способом определялось большинство. Самыми обычными преступлениями были убийство, вооруженный грабеж и ссоры с применением насилия. С увеличением количества виновных увеличивалось и наказание. Законы сакса Инэ («Правда Инэ», конец VII в.) гласят: «Мы называем людей ворами, если в их шайке не более семи человек; если их количество колеблется между семью и тридцатью пятью, это разбойничья банда; если же их больше тридцати пяти, это войско». Преступления считались более тяжкими, если нарушали *королевский мир*, то есть если были совершены в присутствии короля или по соседству с местом, где он находился. «Если человек сражается в доме короля, он может потерять все свое имущество, а его жизнь отдается на милость государя; если он сражается в церкви, то платит сто двадцать шиллингов; если это случится в доме элдормана, он платит шестьдесят шиллингов элдорману и шестьдесят королю. Если он сражается в доме крестьянина, то платит сто двадцать шиллингов королю и шесть крестьянину». За каждого человека полагается вира – *вергельд* (*wergeld*, *wer-gild*), то есть выкуп, который надо заплатить семье, если его убили, впрочем он и сам должен был заплатить королю, чтобы выкупить свою собственную жизнь. Вира за благородного человека была в шесть раз больше, чем за свободного, а его клятва ценилась в шесть раз выше. *Вергельд* – это признак общества, в котором племя, группа людей, связанных кровными узами, важнее индивидуума. Тут всякая дружба, всякая вражда, всякое возмещение коллективны.

Суровый суд саксонского короля над противниками. Миниатюра. XI в.

Арфа из Саттон-Ху. Реконструкция англосаксонского музыкального инструмента, найденного во время раскопок. VII–VIII вв.

6. На весах правосудия тогда взвешивали не доказательства, а клятвы. Суд не допрашивал свидетелей; истец и ответчик должны были привести людей, готовых поклясться в их пользу. Ценность личной клятвы была пропорциональна размерам собственности свидетеля. Человек, обвиненный в грабеже в составе банды, должен был, чтобы оправдаться, предоставить клятвы общей стоимостью в 120 *хидов* (один *hide* равнялся количеству земли, необходимой для жизни одной семьи). Это сложение клятв может показаться странным, но наверняка среди людей, веривших в чудеса, лжесвидетельство случалось довольно редко, а с другой стороны, в маленькой общине соседи всегда более-менее знали правду. Человек, известный дурными нравами, не находил свидетелей. За отсутствием клятв прибегали к суду водой (обвиняемого, связав по рукам и ногам, бросали в предварительно освященный пруд и признавали невинов-

ным, если он сразу же тонул, – стало быть, вода соглашалась его принять) или к суду раскаленным железом (обвиняемый должен был пронести его на заданное расстояние, а виновность или невиновность определялась по виду ожога через некоторое количество дней). После нормандского завоевания в случае конфликта по поводу прав собственности на землю прибегали к Божьему суду посредством поединка (два противника, вооруженные только щитом и палкой, бились, пока один из них, оставшись без сил, не просил пощады).

Церемониальный шлем из кургана Саттон-Ху. VI–VII вв.

7. Все эти черты рисуют нам грубое, но исполненное чести общество, в чьих обычаях содержался зародыш крепкой местной жизни. «Хотя Хенгест и Хорса не принесли с собой (как хотели нас убедить) ни наброска Декларации прав 1683 г., ни наброска Акта 1894 г. об учреждении судов в сельских округах, они все же ввели в Англии несколько полезных обычаев». Мы наблюдаем, изучая их историю, что на протяжении всего своего существования англосаксы сохраняли склонность к всевозможным «комитетам», то есть к людским объединениям, которые пытаются разрешить сложности повседневной жизни посредством общественных обсуждений, что почти всегда приводит к компромиссу. Эта склонность, часто уберегавшая их от гражданской войны, произошла отчасти из того, что с самого начала своего существования как нации они переняли в деревенских сходках, *moots*, и в судах графств превосходную привычку решать на месте, не обращаясь к центральной бюрократии, большое количество административных и юридических вопросов.

Золотая пряжка из курганов Саттон-Ху, элемент костюма высшей англосаксонской знати. VII в.

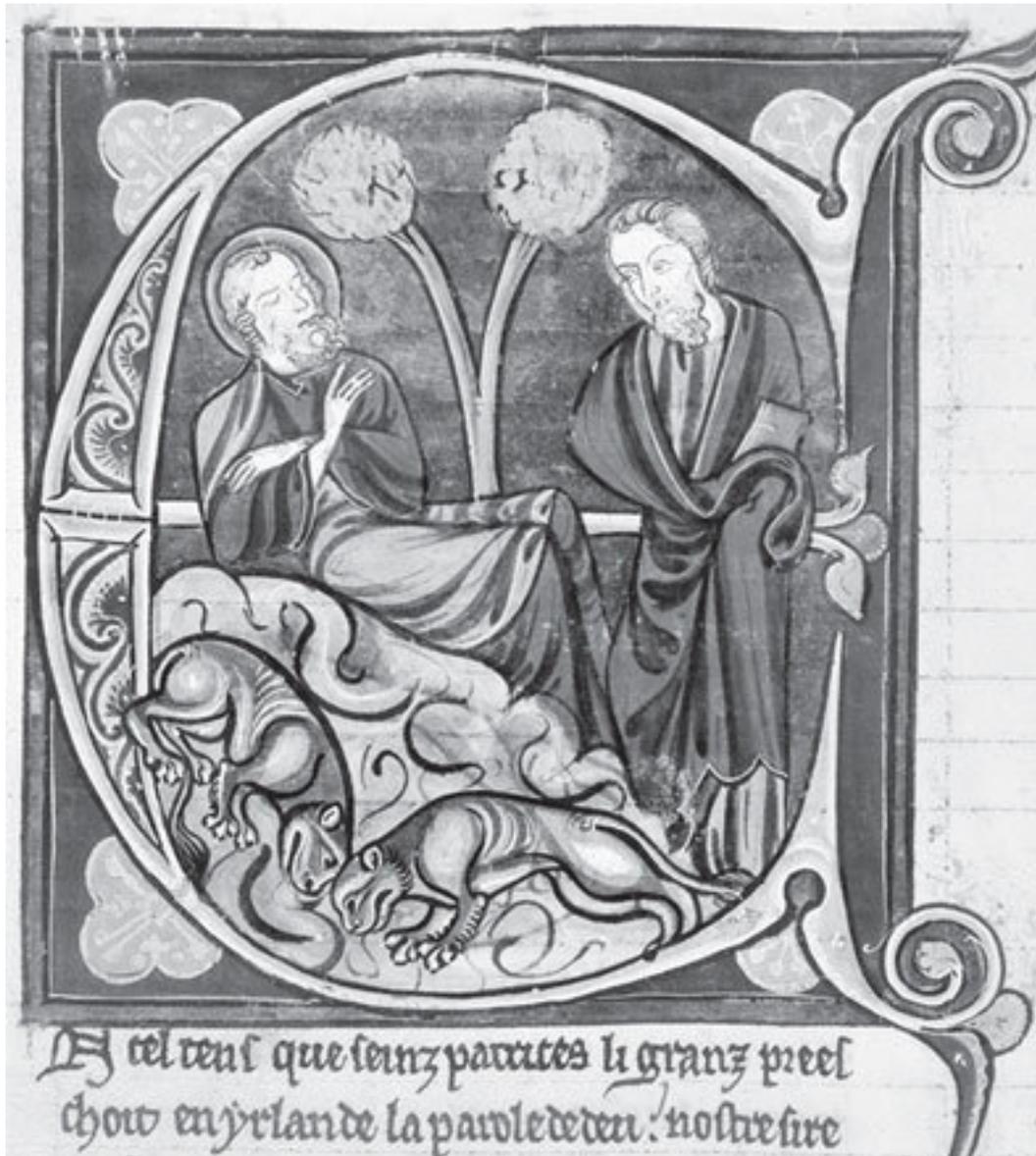

Англосаксонская серебряная брошь. VII–VIII вв.

VII. Обращение в христианство

1. Религия англосаксов была не лишена суровой красоты. Она состояла из легенд, собранных в «Эдде», этой «Библии Севера». Боги – Один, Тор, Фрейя (давшие свои имена дням недели, которые по-английски называются *Wednesday, Thursday, Friday*) обитали в Валгалле – рае, куда валькирии, девы-воительницы, переносили воинов, павших на поле битвы. Таким образом, храбрецы были вознаграждены, трусы и лжецы наказаны, неистовые прощены. Из-за переселения народов эта религия потеряла значительную часть своего обаяния, ведь она была привязана к земле Германии, к ее лесам и рекам. А в Британии Виланд-кузнец стал всего лишь изгнанником. Класс жрецов у саксов был немногочисленным и плохо организованным. Непохоже, чтобы он оказал энергичное сопротивление христианству, когда оно проникло в Англию. Единственная речь главного жреца варваров, которую сохранил для нас историк Беда, выражает скептическое и безнадежное принятие поражения. Впрочем, короли англов и саксов с VI в. знали, что их соплеменники в Галлии и Италии обратились в христианство. Этот пример благоприятно настроил их к новой религии. Римская церковь все еще пользовалась очень большим авторитетом, унаследованным от империи вместе с древней культурой и средиземноморским предприимчивым духом. Христианские миссии при маленьких англосаксонских дворах принимались терпимо, а часто даже почтительно.

2. Англия была христианизирована в результате действий двух миссионерских групп; одна из них прибыла из кельтских стран, главным образом из Ирландии, а другая – из Рима. После ухода римлян Уэльс остался по большей части христианским. Святой Патрик (римлянин Патрициус) крестил кельтские племена Ирландии и основал монастыри, где позже укрылись, спасаясь от варваров, а затем и от сарацин, ученые с континента. Из этих монашеских поселений вышли святые, обратившие в христианство кельтов Шотландии, и самым известным из них стал святой Колумба. Христианство глубоко проникло в кельтскую душу, от природы склонную к мистицизму. В кельтских странах – Ирландии, Уэльсе, Шотландии – была образована национальная, независимая от римской Церковь, старавшаяся походить на раннехристианскую. Ирландские монахи долго были отшельниками и жили, подобно монахам Фиваиды, в уединенных хижинах, и лишь соображения безопасности заставили их согласиться на объединение этих хижин в обитель и принять власть настоятеля. Брак монахам в Ирландии не был запрещен, как, впрочем, и живущим в миру священникам. В церквях не было алтаря, и их убранство отличалось суровой простотой. Священники крестили взрослых людей на берегах рек. Мессу служили не по-латыни, а на местном языке. Священники жили бедно и раздавали в виде милостыни все полученные подношения. Наконец, дата Пасхи определялась согласно древним обычаям, так что ее празднование у кельтов не совпадало с римским.

Сон св. Патрика. Миниатюра из французской рукописи XIII в.

3. Тем временем Римская церковь обрела настоящего вождя. Папа Григорий Великий, римский аристократ, который начал свою деятельность на гражданской службе, сумел сделать папскую власть временной наследницей Западной Римской империи. Ведь кто-то же непременно должен был исполнять прежнюю функцию императора – хоть священник, хоть солдат. После вторжения лангобардов в Италию воцарилась анархия. Рим и Неаполь умирали от голода. «Где народ? – восклицал Григорий. – Где сенат? Сената больше нет, а народ погиб». Осознав угрозу, он отразил ее. Будучи духовным вождем, он взял в свои руки также мирское управление Римом. Получая богатые подношения верующих из Галлии, Африки, Далмации, он воспользовался этими деньгами, чтобы накормить римский народ. Этот великий человек действия был творческой натурой. Именно под его влиянием получил распространение григорианский распев и были упорядочены прекрасные церковные ритуалы, так поразившие воображение варваров. Для проповеди христианства в новых странах он использовал главным образом монахов. В начале века святой Бенедикт основал орден бенедиктинцев, объединивший физический труд с умственным, а также ввел пожизненные обеты, послушничество, избрание настоятеля; все эти реформы привлекли в монастыри элиту поколения. Григорий поручал бенедиктинцам

многочисленные миссии; в частности, одному из них, приору Августину, он доверил христианизацию Англии.

4. Известен ставший классическим анекдот (597). Папа, проходя в Риме через невольничий рынок и увидев белокурых юношей с восхитительно белой кожей, спросил, откуда они. Ему ответили, что это англы из Британии. «*Non Angli, – отозвался Григорий, – sed Angeli...*² У них ангельские лица, и они должны стать товарищами ангелов небесных...» Так же как папа опирался на монахов, чтобы обратить в христианство язычников, он опирался и на женщин. В Англии король Кента женился на христианке, дочери властителя Парижа, и позволил жене взять с собой духовника. Именно к ней и обратился сначала приор Августин вместе со своими сорока монахами, напуганными страной, которую считали дикой. Они были тотчас же приняты в столице Кента, Кентербери. Папа дал им самые благоразумные наставления. Для начала надлежало как можно меньше смущать язычников, приверженных своим привычкам: «На вершину горы не поднимаются прыжками, но мало-помалу, шаг за шагом... В первую очередь, надо весьма остерегаться разрушать их храмы с идолами. Надобно уничтожать только идолов, а потом окропить храмы святой водой и поместить туда реликвии... Если эти храмы ладно построены, то будет хорошо и полезно, что они перейдут от культа демонов к служению истинному Богу; ибо, как только люди увидят, что прежние места их молитвы сохранились, они будут склонны приходить туда по привычке, дабы почитать истинного Бога...» Этот примиряющий метод удался, и король Кента крестился. Папа отправил Августину *pallium*³, символ власти, и, наделив его полномочиями назначать епископов в Англии, посоветовал ему временно устроить свое архиепископство в Кентербери, с тем чтобы перенести его в Лондон, как только тот будет обращен в христианство. Но нет ничего более постоянного, чем временное: Кентербери так и останется религиозной столицей Англии. Беда Достопочтенный сохранил для нас отправленный Августинем папе список вопросов, который свидетельствует о том, что же заботило церковного сановника в 600 г.: «Как епископы должны вести себя с клиром и на сколько частей надлежит делить подношения, сделанные верующими? До какой степени родства верующим позволительно вступать в брак с родственниками и законно ли мужчине жениться на своей теще? Можно ли крестить беременную женщину? Сколько времени должна она ждать после родов, чтобы прийти в церковь? Через сколько дней новорожденный может принять крещение? Через какое время после рождения ребенка женщина может иметь плотские отношения со своим мужем? Все, что потребно знать этим грубым англам».

² «Не англы, но ангелы...» (лат.)

³ Паллий (лат.) – оплечье, нарамник.

Знаменитый кельтский крест, происхождение которого предания связывают со св. Колумбой. Келлское аббатство, графство Мит, Ирландия. VIII–XI вв.

5. Победа христианства в Англии становилась все ближе и ближе, и мы располагаем рассказом об одном из таких обращений – об обращении Эдвина, короля Нортумбрии. Из него видно, с какой серьезностью и часто с какой поэзией эти люди, «обладавшие чувством возвышенного», рассуждали о религиозных делах. Король созвал своих главных друзей и советников, чтобы выслушать христианского миссионера Паулинуса. Тот разъяснил новое вероучение, и король спросил у каждого из вельмож, что они об этом думают. Один из них ответил: «О король, мне кажется, что земная жизнь человека, если сравнить ее с временами, которые нам неведомы, похожа на быстрый пролет воробья через палату, где вы сидите зимой за ужином с вашими приближенными и советниками возле доброго огня, в то время как снаружи ярится буря с дождем и снегом... Так вот, я скажу, что воробей, влетевший в одну дверь и тотчас же вылетевший в другую, пока находился внутри, был укрыт от зимнего ненастья. Но после этого краткого мига, наполненного теплом и светом, он снова исчезает в темной ночи, из которой

прилетел. Такой же нам видится жизнь человека в течение короткого времени, но о том, что было до или что будет после, мы совершенно ничего не знаем. Так что если в этом учении есть что-то более надежное, мне кажется, стоит ему последовать». После чего главный языческий жрец воскликнул: «Я давно заметил, что в богах, которым мы поклоняемся, ничего хорошего нет... Я предлагаю королю, чтобы мы все немедленно отрелись от них, и я сам подожгу капища и жертвенники, которые мы так долго почитали без всякой пользы для себя». Обращение королей влекло за собой и обращение народа, так что влияние миссионеров стремительно распространялось.

6. Успех Римской церкви в Англии должен был повлечь за собой конфликт со старыми британскими церквями в Ирландии и Уэльсе. Августин, получив от папы власть над епископами всей Британии, созвал кельтских епископов. Те явились в большом смущении и сразу же почувствовали себя уязвленными, когда Августин, желая сохранить дистанцию, не встал, приветствуя их. Он потребовал от них три уступки: праздновать Пасху в то же время, что и все прочие христиане, проводить крещение по римскому обряду и проповедовать христианство язычникам-англосаксам, что кельты всегда отказывались делать, поскольку ненавидели захватчиков, истребивших их предков, и не желали спасения их варварских душ. Бритты не уступили ни по одному из трех пунктов, объявили, что признают только свой собственный примат, и порвали с Римом. Отношения между кельтскими христианами и римскими католиками ухудшились до предела. Священники-бритты не давали *поцелуя мира* католическим и отказывались делить с ними трапезу. Кельтские монахи, забывая из ненависти к Риму о своих счетах с варварами, тоже предприняли обращение язычников. Они преуспели среди простого народа, в то время как Римской церкви особенно удавались обращения женщин, властителей и вельмож. А когда обе церкви христианизировали один и тот же двор, различия в верованиях порождали довольно сложные ситуации. Случалось, что в одной семье Пасху справляли два раза подряд. Например, король, закончив пост, уже приступал к Пасхе, а королева праздновала Вербное воскресенье и еще постилась.

Святой Колумба, один из наиболее почитаемых кельтских святых, покровитель Шотландии и Ирландии. Миниатюра манускрипта Ролинсона. XVI в.

7. Наконец король Нортумбрии Осви, обращенный бриттами, был тронут доводами своего сына Альфреда, воспитанного католическим монахом. Для очистки совести король созвал

в монастыре Витби синод, где обе стороны должны были изложить свои учения. Осви открыл прения, заявив с немалым здравым смыслом, что служащие одному Богу должны соблюдать и единые правила, что существует, конечно, только одна истинная христианская традиция и что тем и другим придется сказать, откуда у них эта традиция. На это бритты ответили, что унаследовали свою традицию от святого Иоанна Богослова и от святого Колумбы. Католики же утверждали, что их Пасха досталась им от апостолов Петра и Павла и что такую же они нашли повсюду в мире: в Италии, Африке, Азии, Египте и Греции – везде, кроме этих упрямых бриттов, которые, проживая на двух самых дальних островах вселенной, бросают вызов остальному христианскому миру. Последовала длинная и весьма ученая дискуссия, которую католик Вилфрид закончил такими словами: «Даже если ваш Колумба был святым мужем, как можно предпочесть его главнейшему из апостолов, которому наш Господь сказал: „...ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного...“?»⁴ Когда Вилфрид так сказал, король спросил: «Правда ли, Колман, что эти слова произнес наш Господь?» – «Правда, государь», – честно ответил ирландский епископ. «Можете вы доказать, что такая же власть была дана вашему Колумбе?» Колман признал, что нет. «И вы оба согласны, – добавил король, – что ключи от Царства Небесного были доверены святому Петру?» – «Согласны», – ответили они. «В таком случае, – заключил король, – раз Петр охраняет небесные врата, я буду подчиняться его наказам, а не то, когда я предстану перед этими вратами, никто не захочет мне их открыть, ибо тот, у кого ключи от них, станет мне враждебен». Все присутствовавшие согласились с королем и решили впредь повиноваться папе.

⁴ Мф. 16: 18–19.

Миниатюра с изображением Богоматери. Страница так называемой «Келлской книги» или «Книги Св. Колумбы». Ирландия. VIII–IX вв.

VIII. Христианство и германизм в англии

1. С VIII в. вся Англия присоединилась к Римской церкви. Короли опирались на нее главным образом потому, что были верующими, а также потому, что понимали: эта Церковь, наследница имперских традиций, дает им иерархию, организацию и опыт, которых им не хватает. Епископы и архиепископы долго будут естественными советниками королей. Со своей стороны, и Церковь поддерживает монархии; она нуждается в мирской власти, чтобы внушить уважение к своим законам. Папство значительно увеличило свою силу, сумев основать в Англии и Германии новые и покорные ему церкви. Церкви Востока оспаривали главенство Рима; церковь Франции была порой слишком независима, но английские епископы сами постоянно просят папу о вмешательстве в свои дела. Так что он отправляет в Англию настоящих проконсулов веры, которые для церковного Рима являются тем же, чем для имперского Рима были выдающиеся строители провинций. Ничто не дает более величественного представления о всемирности Церкви, чем наблюдение за деятельностью епископа Теодора Тарского, малоазийского грека, и африканца аббата Адриана. Они привезли в Англию обширную латинско-греческую библиотеку и основали в Нортумбрии монастыри, которые своей ученостью будут соперничать с ирландскими. Вследствие любопытного парадокса средиземноморскую культуру сохранят для Галлии англосаксонские монахи. Когда сарацины достигли центра Франции, положив, как казалось, конец классической эпохе в Европе, в далеком, почти варварском королевстве монах Беда Достопочтенный писал по-латыни чарующую церковную историю Англии. Но этот Беда был учителем Эгберта, который стал в Йорке учителем Алькуина, а ведь известно, что именно Алькуин, призванный Карлом Великим, остановил во Франции интеллектуальный упадок.

Король бриттов Этельстан, предстоящий перед св. Кутбертом Линдисфарнским, одним из наиболее почитаемых святых в Англии. Миниатюра «Жития Св. Кутберга» Беды Достопочтенного. Около 930 г.

2. Таким образом, Англия занимает свое место в истории латинской и христианской культуры. Но благодаря своеобразию природы англосаксов, их вкусов и предшествующих традиций эта культура приобрела у них особые черты. VII и VIII вв. в Англии – эпоха святых и героев.

Эти неистовые и сильные души были способны и на великие жертвы, и на великие преступления. Позже сплав христианской морали с моралью северного воина создаст героя рыцарских романов. Но в примитивные и темные времена равновесие между этими двумя силами сложно удерживать. То саксонские короли становятся монахами или отправляются паломниками в Рим – Себби Эссекский пострижется в 694 г., Этельред, король Мерсии, в 704-м, его преемник Кенред Мерсийский закончит свою жизнь в Риме, как и Оффа Эссекский. То королей убивают, королевства опустошают, города отдают на поток и разграбление, а жителей истребляют. Церкви приходится также бороться против пристрастия к эпическим и воинственным поэмам, которые сказители, *gleemen*, аккомпанируя себе на арфе, исполняют на пиршествах в домах знати, а бродячие менестрели декламируют на деревенских улицах. Да и сами саксонские священники слишком уж увлекаются этими языческими поэмами. В 797 г. Алькуин вынужден написать епископу Линдисфарнскому: «Когда священники вместе трапезничают, пусть велют читать себе Слово Божье. В таких случаях подобает слушать чтеца, а не арфиста, речи Отцов Церкви, а не поэмы язычников. Что общего у Ингельда с Христом? Дом мал и не сможет вместить обоих». Но любовь к нордической поэзии была тогда так сильна, что один саксонский епископ по окончании богослужения переодевался и шел на мост петь о приключениях какого-то морского конунга.

Оффа Эссекский, король Мерсии. Миниатюра. XIV в.

3. Хотя англосаксонская поэзия была весьма богата, до нас дошло всего одно целиком сохранившееся произведение – эпос «Беовульф». Она нордическая по своему материалу, но между VIII и IX в. была переписана неким английским монахом с учетом христианских предрассудков того времени. Про нее говорили, что это «Илиада», в которой роль Ахилла исполняет Геракл. Она повторяет Зигфридову тему: уничтожение героем чудовища. Беовульф, шведский вождь⁵, переплывает через моря и посещает замок конунга датчан. Там он узнает,

⁵ Точнее, будущий конунг *гаутов*, которых анонимный автор поэмы отличает от *свегов* (собственно шведов) и даже противопоставляет им.

что в замок каждую ночь пробирается некое чудовище Грендель и пожирает знатных воинов. Беовульф убивает Гренделя; мать чудовища хочет отомстить ему, но герой преследует ее в ужасных краях, где та обитает, и избавляет мир от этой напасти. Вернувшись в Швецию, он сам становится королем и наконец гибнет, раненный отравленным зубом последнего дракона, которого хотел сразить. Он умирает благородно: «Я пятьдесят зим служил защитой этому народу. Не было конунга среди всех моих соседей, кто дерзнул бы встретиться со мной. Я крепко держал свою землю. Не прибегал к козням труса. Никогда не давал ложных клятв... И радуюсь, что смог, покуда не погиб, добыть такое сокровище для моего народа. Теперь мне незачем задерживаться здесь...»

4. Когда читаешь «Беовульф» или фрагменты других англосаксонских поэм, прежде всего поражает их меланхолическая тональность. Пустынные, скорбные пейзажи: скалы и топи. В «холодных течениях и ужасных пучинах» обитают ужасные чудовища. «Чтобы нарисовать эти мощные картины, с унынием северной природы должно было сотрудничать мрачное воображение». Это произведение народа, жившего во враждебном окружении. Но всякий раз, когда поэт говорит о море, он восхитителен. Есть в «Беовульфе» описания, достойные величайших эпических поэтов: отправление воинов в морской поход, похожие на птиц корабли с покрытыми пеной шеями или сверкающие береговые утесы и гигантские горные отроги в момент их прибытия... Но никогда англосаксонский поэт не достигает безмятежности Гомера. В «Илиаде» на равнине горят многочисленные погребальные костры; в «Беовульфе» на мертвечину набрасываются вороны и орлы. Можно догадаться, что в этих лишенных солнца душах вместе с благородными порывами уживалось и некоторое потворство чувству ужасного. Однако это общество гораздо утонченнее, чем общество описанной Тацитом Германии. Ничего общего с англосаксонской «демократией», которую вообразили себе некоторые английские историки XIX в. В мире Беовульфа на переднем плане король и его воины. Чертоги властителей полнятся престолами, драпировками, золотыми украшениями. Король всемогущ, правда при условии, что сохранит поддержку своих дружинников. По отношению к ним он щедр: одаривает их землями, осыпает дарами. У каждого человека в поэмах есть свой господин, которому он обязан хранить верность, а тот за это должен отправиться в чужие земли. Более всего достойны презрения предатель и изменник. Жены вождей уважаемы, всегда присутствуют на пирах. Но любовь тут серьезна, лишена веселости; «в этой древней поэзии нет никаких любовных песен; любовь тут не забава и не сладострастие, но обет и преданность».

5. Весьма справедливо сближали англосаксонские поэмы с гомеровскими. В самом деле, и те и другие представляют черты того, что можно назвать героическими веками. В совершенно примитивных обществах самыми сильными связями были родовые и племенные. Именно род каждого человека должен был добиться мщенья за него и отвечал за его проступки. В героических обществах родовые связи постепенно ослабевают. Человек освобождается от племени. Избавленный от гнетущего его страха перед силами природы, он перестает сдерживать свое стремление к могуществу. Над политическими соображениями одерживают верх личные страсти. Это время поединков, войн ради чести. Однако, поскольку любое общество стремится приобрести власть над индивидом, формируются новые узы – на сей раз с помощью верности и дружбы. Герою ни в чем не свойственна умеренность, но он отважен и верен. Это придает определенную красоту характерам, в которых христианский моралист найдет элементы настоящего благородства. Вскоре герой станет проявлять свою щедрость по отношению к Церкви. Благочестивый король раздает земли епископам, монастырям. Остается, очевидно, еще смирить необузданность или же направить ее на достижение праведных целей. В XIII в., объединившем с героическими страстями христианское смирение и целомудрие, появится тип, которого древность не знала: *рыцарь*. Беовульф – уже почти христианский рыцарь. Его кончина – это кончина Ланселота. Изучая восхитительную фигуру короля Альфреда, мы увидим лучшее

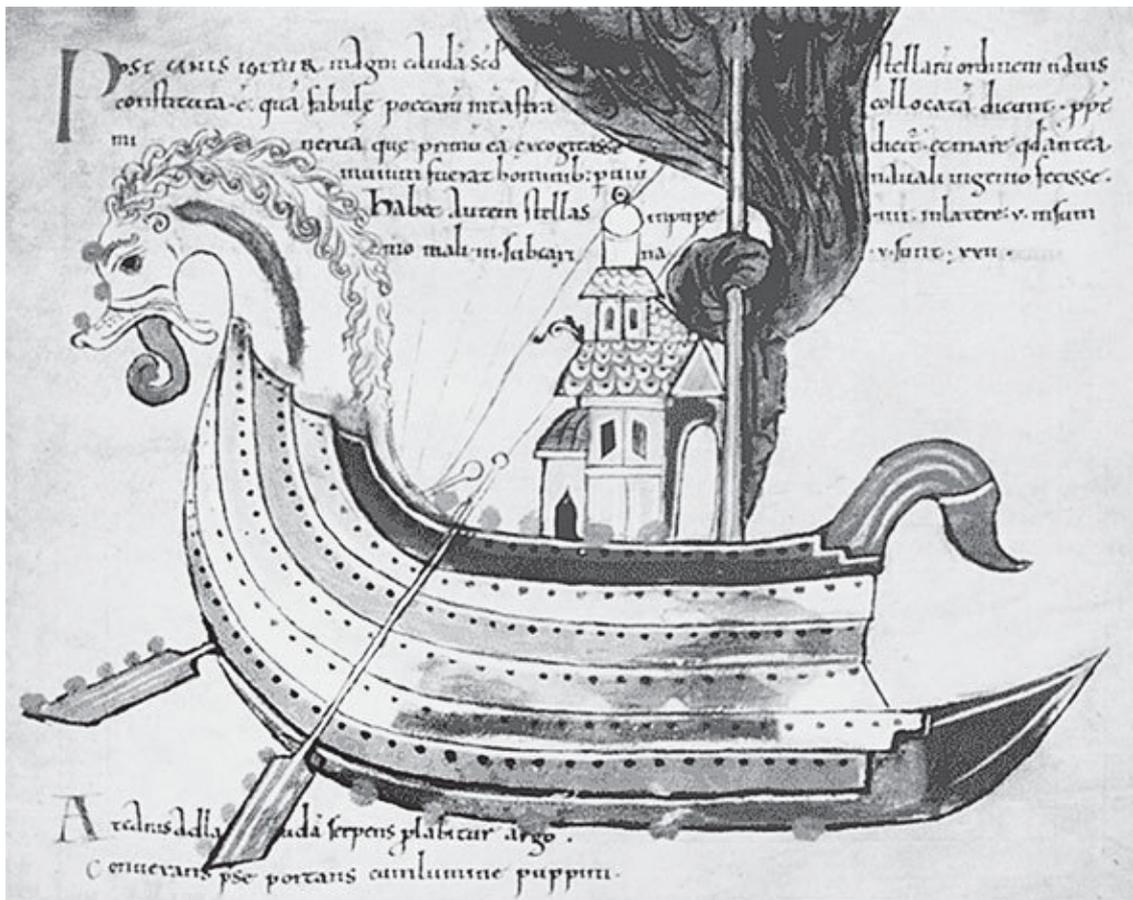
из того, что может произвести сплав римской цивилизации, варварской чести и христианской морали.

Пенни короля Оффы. VIII в.

IX. Вторжения данов и их последствия

1. В 787 г. «Англосаксонская хроника» впервые описывает появление в Англии людей с Севера, приплывших на трех кораблях «из страны воров». Рив ближайшей деревни, не зная, кем были эти люди, выехал к ним на лошади, как повелевал ему долг, и был убит. За этим убийством последовали шесть лет молчания, а потом, начиная с 793 г., почти все ежегодные краткие записи хроники содержат рассказ о каком-нибудь неожиданном налете «язычников». То они ограбили монастырь и истребили монахов, то «полчища язычников подвергли опустошению земли нортумбрийцев». Порой хронист с удовольствием отмечает, что некоторые из кораблей язычников оказались разбиты яростью моря, их гребцы утонули, а уцелевшие, что добрались до берега, были умерщвлены. Мало-помалу размеры вражеских флотов возрастают. В 851 г. «язычники впервые перезимовали на острове Танет; в том же году они на трех сотнях кораблей вошли в устье Темзы и попытались взять приступом Кентербери и Лондон». В последующие годы «язычники» названы их настоящим именем – это даны, то есть датчане, и хроники теперь говорят только о действиях «Армии», или даже «Великой армии», то есть войска людей с Севера, порой достигающего 10 тыс. человек.

Драккар викингов. Миниатюра. XI в.

2. Те же племена, что обитали тогда в Швеции, Норвегии, Дании, и в самом деле были язычниками, поскольку их весьма мало затронула античная Римская империя и совсем не затронула Римская империя, ставшая христианской. Но они вовсе не были варварами. Раскрашенные корабли, фигуры, вырезанные на их носах, литературные достоинства их *саг*, сложность их законов доказывают, что они сумели создать свою собственную, самобытную цивилизацию.

лизацию. Викинги подчинялись вождям отрядов и храбро сражались, но любили битву отнюдь не ради самой битвы. Когда они могли заменить силу хитростью, они охотно это делали. Эти воины и грабители при случае становились и купцами, если видели, что их встречают на берегу слишком многочисленные жители, и тогда предлагали им обменять на мед или рабов свой китовый жир или сушеную рыбу.

3. Почему же народы Севера, которые, казалось, веками игнорировали Англию, вдруг начали совершать на нее набеги в то же самое время, что и на Нейстрию? Предполагали, что первопричиной их нападений стало давление Карла Великого на саксов, которые, отхлынув к Дании, сообщили людям Севера об опасности, грозящей им от христианских держав. Хотя, быть может, проще допустить, что этому способствовал случай, потребность в приключениях, желание отважных мореходов всегда плыть дальше? У них, как позже у мальтийских рыцарей, стало обычаем, чтобы молодой человек «сходил в поход», то есть отправился в какую-нибудь экспедицию, где можно было показать свою храбрость. Население быстро росло. Младшим сыновьям и бастардам приходилось искать себе состояние в новых странах. Но их узкие и длинные корабли с единственным красным парусом на мачте, который редко поднимали, с воинскими щитами на бортах, попеременно желтыми и черными, с изображением морского чудовища на носу вовсе не были приспособлены к открытому морю. Как и все суда древности, они были гребными, а район плавания такого корабля неизбежно ограничен. Каждый переход требует полдня гребли, следовательно нужны две смены гребцов. Каждой смене приходится везти другую плюс тяжелое оружие, а это оставляет мало места для провизии. Сам корабль должен быть легким, стало быть, он не может противостоять большим океанским волнам. Потребовались века опыта и, без сомнения, бесчисленных кораблекрушений, чтобы викинги научились делить плавание на этапы и совершать его в благоприятное время. Мало-помалу они стали играючи перескакивать с острова на остров, пользуясь хорошей погодой, и строить более вместительные суда. Вот тогда-то они и появляются по всему свету. Шведы направились в сторону России и Азии; норвежцы открыли дорогу в Ирландию через север Шотландии и даже, делая остановку в Гренландии, добрались до Америки в поисках пушнины. Датчане выбрали внутренний путь, самый короткий, который вел из их страны напрямик к берегам Шотландии, Нортумбрии и Нейстрии.

Носовая часть корабля викингов. IX в.

4. Можно лишь удивляться быстрому успеху этих экспедиций, поначалу состоявших из небольшого количества людей, хоть и нападавших на обширные королевства, которые должны были с легкостью защитить себя. Но не стоит забывать, что: 1) викинги тогда обладали господством на море. Ни саксы, ни франки не сделали ни малейшего усилия, чтобы создать флот. Однако господство на море начинается с захвата маленьких островов, которые можно превратить в военно-морские базы. Сначала нападениям данов подверглись богатые монастыри, основанные первыми жаждавшими одиночества монахами на островах, таких как Иона или

Линдисфарн. Верующие щедро одаривали монахов драгоценностями и золотом. Викинги грабили сокровища, истребляли монахов и захватывали остров. И как бы близок тот ни был к побережью, они становились неуязвимы. Так, остров Нуармутье стал их базой у берегов Франции, Танет – у берегов Англии, остров Мэн – в морях Ирландии; 2) господство на море позволяло им также выбирать место для нападения. Они находили, что в каком-то пункте противник слишком силен? Им легко было снова погрузиться на свои суда и попытать удачу где-нибудь еще, тем более что средства сообщения у их жертв были примитивными, а согласие среди них довольно редким. Что мог противопоставить им саксонский король? Он созывал ополчение всех свободных людей – *fyrð*. Это было сборище крестьян, вооруженных рогатинами, а иногда (когда король созывал подданных своих вассалов) даже вилами. Они долго собирались, их было трудно прокормить, и из-за сельскохозяйственных работ они не могли долго оставаться в строю. Одним словом – недостойные противники воинов Севера, которые в отличие от них были очень хорошо вооружены, защищены кольчугой и стальным шлемом и превосходно владели боевым топором. Единственными англами, способными им противостоять, были дружинники короля (*comitati, gesiths*), но они были немногочисленны, а даны между тем беспрестанно совершенствовали свою тактику. Вскоре они научились сразу же после высадки захватывать местных лошадей и сажать на них пехоту, а потом спешно возводили маленькую крепость. Саксы, люди полей и лесов, никогда не строившие укрепленных городов, уже потерявшие свои мореходные навыки, да к тому же разобщенные, позволили захватчикам завоевать почти всю страну. Ирландия, пребывавшая тогда в полной анархии, была покорена первой, потом пали Нортумбрия и Мерсия. Вскоре был наполовину потерян и сам Уэссекс. Могло показаться, что вся Англия стала провинцией Северной империи.

Голова дракона – украшение носовой части драккара. Современная реконструкция

5. Непосредственным результатом датских вторжений стало ускоренное формирование в саксонской Англии класса профессиональных военных. Проблема обороны страны имела три решения: 1) массовое ополчение свободных людей, *fyrð*; короли еще долго продолжали прибегать к нему, но мы видели, почему он был недостаточно эффективен; 2) наемники, то есть люди, которые воюют за плату, – *solde*, вот откуда слово *солдаты* (это был метод последних римских императоров, его же будут использовать короли Кнут и Гарольд), но саксонские монархи не имели доходов, которые позволили бы им содержать войско; 3) постоянная армия, состоящая из профессиональных воинов, которым государь вместо платы уступает земли. И вот между концом Римской империи и X в. вся Европа мало-помалу приняла именно это решение, потому что при отсутствии сильных государств никакого другого просто не было. Некогда существовало распространенное мнение, что феодализм в Англию был занесен в XI в. нормандцами. Один историк довольно остроумно возразил на это, что феодализм в Англию был занесен сэром Генри Спелманом, эрудитом XIX в., который первым создал связную систему из набора довольно смутных правовых обычаев. Истина же состоит в том, что феодализм вначале не был сознательно избранной системой, но результатом многих естественных преобразований. Когда в Англию прибыли саксонские племена, один и тот же человек был и воином, и крестьянином. Свободный человек потому и был свободным, что владел оружием. Когда же после датских вторжений экипировка воина стала слишком дорогой для среднего земледельца, военное ремесло непременно должно было превратиться в профессию одного-единственного класса.

6. Почему свободный крестьянин признал превосходство этого класса? Потому что не мог без него обойтись. Связь с тем, кто тебя превосходит, в смутные времена оборачивается большим преимуществом: ведь это не только хорошо вооруженный военный вождь, но и защитник прав собственности своих людей. Когда центральная власть в государстве сильна, как в Римской империи или при будущих королях Тюдорах, люди полагаются на это государство и признают свои обязанности по отношению к нему. Но как только государство слабеет, человек ищет себе более эффективного и близкого защитника и именно по отношению к нему признает свои военные и денежные обязательства. Абстрактные связи заменяются личными. В хаосе мелких английских королевств, беспрестанно враждующих друг с другом и опустошенных нападениями пиратов, несчастный крестьянин, *ceorl*, больше не мог сохранить свою землю и жизнь, иначе как при поддержке хорошо вооруженного солдата, а потому соглашался платить ему за эту защиту натурой, работой или деньгами. Позже этот опыт породит принцип: «Нет земли без сеньора». Но поначалу в феодализме не было ничего утвердительного, он был «полным уничтожением права собственности и дроблением прав государства». Гизо писал, что это было соединением собственности и верховной власти. Точнее, собственность и верховная власть на время переходят к тому, кто только и может защитить одно и осуществить другое. Как и все людские установления, оно рождается из необходимости и исчезнет, когда центральная власть, снова став сильной, сделает его бесполезным.

Флот викингов у берегов Британии. Миниатюра. XI в.

7. Другим результатом датских вторжений будет ослабление соперничества англосаксонских королевств. Внешнее давление дает народам сходного происхождения, но разделен-

ным старыми распрями, чувство единства. Уже некоторые из англосаксонских королей провозглашали себя королями всей Англии. Их даже обозначали особым словом: *бретвальда* (*bretwalda*). Эгберт Уэссекский, первый монарх (802–839), от которого происходит нынешний король Англии, был восьмым *бретвальдой*. Эти саксонские государи не так могущественны, какими станут позже нормандские короли. Но они подготовили для них почву и уже смогли (в противоположность происходившему тогда на континенте) превратить свою знать в аристократию скорее по праву службы, нежели по праву рождения. *Таны* (*thanes*) держат свои земли от короля, потому что как воины, чиновники или церковники являются его слугами. Без короля они ничто, но и король ничего не может без них. Он принимает важные решения только с ними, в своем совете. Саксонский король абсолютен не более, чем абсолютно наследственно само Саксонское королевство. Наконец, со времени обращения в христианство король является сакральным вождем, которого оберегает и наставляет Церковь. Он должен более, чем кто-либо, почитать ее заповеди. Образ праведного государя, который держит совет с мудрыми людьми ради всеобщего блага, крепко запечатлется в английской душе задолго до нормандского завоевания благодаря таким выдающимся саксонским монархам, как Альфред, и всякий раз, когда на протяжении истории Англии возникнет опасение, что этот образ поблекнет или сотрется, его в нужное время вновь оживят Эдуард I, Генрих VII или Виктория.

Х. От короля альфреда до короля кнута

1. Альфред – легендарный властитель, чья легенда правдива. Этот простой и мудрый человек, одновременно воин, моряк, писатель и законодатель, спас христианскую Англию. Он обладал всеми добродетелями благочестивых королей, не имея ни их слабостей, ни их безразличия к делам мира. Его приключения похожи на волшебную сказку и рыцарский роман. Подобно многим героям романов, он – младший сын короля Этельвульфа. Он рос во времена вторжений, под грохот битв, и трое его братьев были убиты врагом. Болезненный и чувствительный мальчик был наделен энергией тех слабых, которые хотят стать сильными. Став превосходным наездником и охотником, он также с самого детства тянулся к знаниям. «Но увы! То, чего он желал более всего – изучать науки и свободные искусства, – было совершенно невозможно, ибо в те времена истинных ученых в королевстве Уэссекс уже не осталось». В старости он признается, что наибольшее огорчение его жизни состояло в том, что, когда он был в подходящем возрасте и имел досуг, чтобы учиться, ему не удалось найти учителей, а когда смог наконец собрать вокруг себя ученых, оказался так занят войнами, хозяйственными заботами и собственными недугами, что не смог читать столько, сколько хотел. Подростком он отправился паломником в Рим, где папа сделал его консулом, а вернувшись в Англию, отличился вместе с братьями в борьбе против датской «Великой армии». Когда последний из его близких был убит, совет мудрейших (*Witan*) избрал Альфреда королем в обход его племянников, слишком юных, чтобы править во время войны.

2. В первый же год своего правления ему пришлось сразиться с данами, но, располагая лишь горсткой людей, он потерпел поражение. Как это часто делали до него франкские и саксонские короли, он купил мир у датской «Армии» выплатой дани. Но успешный шантаж лишь подстегнул датчан вновь начать боевые действия. Они захватили земли на севере и востоке, а потом, когда закончилось это завоевание, новая орда во главе с языческим конунгом Гутрумом опять хлынула в Уэссекс. Паника поначалу была полной. Альфреду пришлось бежать почти одному на остров Этелни (*Athelney*), и там, посреди болот, он построил с немногими соратниками маленькую крепость. В XVII в. неподалеку от этого места было найдено в земле великолепное украшение из золота, хрусталя и перегородчатой эмали с надписью: «Альфред велел меня сделать». Эта знаменитая «драгоценность Альфреда», которая была потеряна королем во время бегства и хранится теперь в Оксфордском музее, подтверждает правдивость древних хроник. Король скрывался в болотах всю зиму, а даны тем временем считали себя полновластными хозяевами Уэссекса. Но ближе к Пасхе он покинул свое убежище и велел тайно созвать в месте, которое называлось Камень Эгберта, ополчение Сомерсета, Уилтшира и Хэмпшира. Радость саксонских крестьян, обнаруживших своего короля живым, была так велика, что они тотчас же захотели пойти вместе с ним против «Великой армии». Датчан гнали вплоть до их укреплений и осаждали до тех пор, пока те, больше не имея пропитания, не решили сдаться. Альфред согласился сохранить им жизнь, но потребовал, чтобы «Армия» покинула Уэссекс, а Гутрум и главные датские вожди дали себя окрестить. Через три недели Гутрум и двадцать девять других вождей приняли крещение. Их крестным отцом был сам король. Потом был подписан договор и определена граница между Уэссексом и Страной Датского права (*Danelaw*). С этого момента датчане остались хозяевами востока и севера Англии, а Альфред смог мирно править на территориях, расположенных к югу от этой границы.

Альфред Великий. Миниатюра «Генеалогических хроник английских королей». Конец XIII в.

3. Пример Альфреда Великого показывает, какую огромную роль может играть личность в истории народа. Если бы не его стойкость, целая страна попала бы под власть язычников. Это не стало бы концом Англии, но ее ожидала бы тогда совсем другая судьба. Ум одновременно самобытный и простой, Альфред одинаково хорошо преобразовал как армию с флотом, так и правосудие с образованием. Он увеличил численность армии, возвысив до ранга *танов* всех свободных людей, владевших пятью *хидами* земли, а также купцов из портовых городов, которые совершили по меньшей мере три плавания на собственные средства, и потребовал от этой мелкой знати «рыцарской» службы. Большой слабостью англосаксонских войск всегда был короткий срок службы. Альфред создал «разряды», или «звенья», которые можно было призывать по очереди. Велел восстановить укрепления старинных римских городов, а еще ему пришла в голову вполне современная идея: создать два эшелона обороны – мобильную армию и территориальную. Рыцари, жившие рядом с укрепленным селением (*бургом*, *burgh*), во время войны были обязаны прибыть туда; те же, кто жил в сельской местности, образовывали подвижное войско. Он создал и флот, правда немногочисленный, но корабли, задуманные им самим, были, похоже, устойчивее, чем корабли викингов. Он составил свод законов, где объединил правила жизни, которым следовали тогда люди его страны, от десяти заповедей Моисея до законов англосаксонских королей. «Я ничего не хотел менять, – сказал он почти дословно, – потому что не знал, понравится ли это тем, кто придет после меня». Таким образом, он поддерживал старую систему *вур* (*wergeld*), то есть выкупа за преступление, *кроме случаев измены*.

Для изменившего своему королю или своему сеньору отныне не будет ни выкупа, ни прощения. Человек уже не мог защищать даже собственного родственника против своего господина. Это было победой нефеодалных концепций над старинными племенными представлениями.

«Драгоценность Альфреда Великого». Ювелирное изделие из золота и финифти, по преданию принадлежавшее легендарному королю. Конец IX в.

4. Альфреду предстояло много сделать, чтобы оживить тягу к учебе в стране, где войны и невзгоды уничтожили всякую науку. «Когда я взял под свою руку это королевство, не знаю, имелся ли хоть один человек к югу от Темзы, который сумел бы перевести свой молитвенник на английский». Король учредил школы, чтобы обучать в них сыновей знати и богатых свободных людей латыни, английскому, верховой езде и соколиной охоте. И именно он также повелел начать «Англосаксонскую хронику», куда заносились основные события каждого года, которые сегодня так ценны для нас. Быть может, он даже сам диктовал историю своего времени. Он вообще много писал, но скорее не как автор, а как переводчик, впрочем весьма дотошный; в первую очередь он искал дословный смысл – «слово в слово», или, как он говорил, «мысль в мысль», а потом выражал его на хорошем английском. Если тема его интересовала, он добавлял к тексту пассажи, написанные им самим. Целью этих переводов было сделать полезные, по его мнению, тексты доступными для народа, который уже не знал латыни. Так, он перевел «Церковную историю» Беда, «Всеобщую историю» Орозия, «Пастырское правило» Григория Великого (пятьдесят экземпляров которого разослал епископам и монастырям своего королевства) и особенно «Утешение» Боэция, которое наверняка понравилось этому королю-философу.

5. Сколь любопытное и прекрасное зрелище – удрученный заботами государь страны, которой постоянно угрожает опасность, пишущий с трогательной простотой: «И тогда среди многочисленных и разнообразных бедствий этого королевства я начал переводить на английский книгу, которая называется по-латыни *Pastoralis*». Он воодушевлял как художников, так и ученых. Говоря о легендарном кузнеце Виланде, он называет его мудрым и добавляет: «Я называю его мудрым, потому что хороший ремесленник никогда не сможет утратить свое умение, это его неотъемлемая собственность, подобно тому как солнце не способно сбиться со своего пути». Потом, припомнив слышанные в детстве легенды, он вопрошает, предвосхищая Вийона: «Где теперь кости Виланда?» Наконец, его биограф сообщает нам еще один факт: желая, чтобы во всех монастырях соблюдали часы богослужения, он придумал поместить в роговой фонарь четыре свечи тщательно выверенного веса, каждая из которых должна была гореть четыре часа. Таким образом, когда их зажигали по очереди, устройство более-менее точно указывало время.

6. После кончины Альфреда прошедшие его школу преемники еще больше укрепили престиж англосаксонских монархов. Они отвоевали у датчан сначала Мерсию, потом Нортумбрию. Король Ательстан (924–941) мог без преувеличения именоваться «королем всех частей Британии». Сами датчане, обосновавшиеся в Восточной Англии, смешивались с англосаксонским населением и уже начинали считать его язык своим. Но этот внутренний мир требовал двух условий: сильного короля и прекращения вторжений. Однако если нападения пиратов, казалось, стали реже, то лишь потому, что люди Севера в своих собственных странах боролись друг с другом за создание норвежского и датского королевств. Когда этот период борьбы закончился, вторжения авантюристов возобновились, тем более активные, что из новых монархий бежали многие недовольные. Мы находим в «Англосаксонской хронике» на протяжении всей второй половины X в. ту же зловещую прогрессию, что и во времена первых вторжений. Поначалу это всего лишь шайки грабителей, семь-восемь кораблей, потом настоящие флотилии, потом войско, потом «Великая армия». Это новое вторжение совпадает с правлением бездарного короля Этельреда. Вместо того чтобы обороняться, он вернулся к самому трусливому методу и решил откупиться от «Великой армии» данью в 10 тыс. фунтов. Чтобы заплатить эту огромную сумму, ему пришлось ввести особый поземельный налог, *Danegeld* (*деньги данов*), в три-четыре шиллинга с *хиды* находившейся в собственности земли. Разумеется, датчане, прельщенные перспективой обогащения, становились все более требовательными, и после смерти сына Этельреда Эдмунда Железнобокого, который пытался бороться, но был убит, совет мудрейших не увидел другого решения, кроме как предложить корону предводителю «Великой

армии» Кнуту, брату короля Дании, молодому человеку двадцати трех лет. «Вся страна, – говорит хронист, – выбрала Кнута и покорила тому, кому еще недавно сопротивлялась».

7. Выбор оказался удачным. Кнут был суровым и даже жестоким врагом, но он отличался умом и умел находить компромисс. Он начал с женитьбы на вдовствующей королеве Эмме Нормандской, женщине старше его, но которая связывала его с новым королевством. И сразу же показал, что не будет делать никакого различия между англами и данами. Более того, он даже казнил тех представителей английской знати, кто предал его противника Эдмунда Железнобокого. «Как сможешь ты, человек, предавший своего господина, стать верным слугой?..» Он распустил свою большую армию и оставил только сорок кораблей, экипажи которых, примерно три тысячи двести человек, образовали его личную гвардию. Они стали элитным войском, *хускарлами* (*housecarls* или *Hus-Carles*), которые, вопреки феодальным обычаям, получали не земли, а плату. Чтобы платить им, Кнут продолжил взимать *Danegeld* (или просто *Geld*) и оставил в наследство Вильгельму Завоевателю этот поземельный налог, принятый населением. В 1018 г. Кнут созвал данов и англов на большой съезд в Оксфорде, где те и другие поклялись соблюдать древние англосаксонские законы. Удивительной личностью был этот царственный пират, в столь молодом возрасте превратившийся в беспристрастного короля-охранителя. Приняв христианство, он проявил такое благочестие, что даже отказался носить корону и повесил ее над главным алтарем Винчестерского собора, дабы показать, что единственный король – Бог.

Кнут Великий и его первая жена Эльфгифу, предстоящие перед Христом. Миниатюра манускрипта *Liber Vitae*. IX–XI вв.

8. Кнут, король Англии с 1016 г., король Дании с 1018 г. (после смерти своего брата), в 1030 г. завоевал Норвегию и ценой многочисленных уступок получил вассальную клятву верности от короля Шотландии. Англия опять оказалась связана с судьбой северных народов. Если бы дело Кнута продолжилось и если бы из Нормандии не явился Вильгельм, чтобы закрепить римское завоевание, кто знает, какой была бы история Европы? Но англо-скандинавская империя оказалась нежизнеспособной. Собранная наспех из народов, разделенных опасными морями и толком не знавших друг друга, она существовала лишь благодаря одному человеку. И когда Кнут умер в сорокалетнем возрасте, его творение не пережило творца. После некоторой борьбы между его сыновьями Совет мудрейших снова проявил свой эклектизм и, вернувшись к саксонской династии, выбрал королем Эдуарда, второго сына Этельреда. Эти чередования укрепляли авторитет совета, а престиж королевской власти как выборной магистратуры заметно снижался. Многими *ширами* теперь управляли графы, и, если бы их не уничтожило нормандское завоевание, они стали бы настоящими местными царьками и опасными соперниками короля.

Серебряная монета Кнута Великого. XI в.

XI. Нормандское завоевание

1. Роллон, который в 911 г. по устному соглашению в Сен-Клер-сюр-Эпте получил от Карла Простоватого герцогство Нормандия, принадлежал к тому же племени, что и захватчики, обосновавшиеся в Восточной Англии. Но век спустя обе эти ветви одного и того же древа развились столь по-разному, что во времена нормандского завоевания даны из Англии называли данов из Франции французами. Английские даны, встретив еще недостаточно укоренившуюся в стране европейскую цивилизацию, оказали на нее довольно большое влияние, в то время как нормандские даны, познакомившись в лице Франции с Римом, с поразительной быстротой пропитались латинским духом. С конца X в. нормандцы в Руане говорили исключительно по-французски, так что понадобилось отправить наследника герцогства в Байё, чтобы он там выучил язык своих предков. Сплав старого римского порядка и молодой нормандской энергии дал превосходные результаты. «О Франция, – писал хронист, – ты была удручена и повержена на землю... Но вот пришло к тебе из Дании новое племя... Заключен союз, и мир воцарился между ним и тобою. Это племя возвысит до небес твое имя и твое господство».

2. «Мир герцога Нормандского», уважение к закону, которое он очень быстро сумел внушить на своей земле, вызвал восхищение хронистов. Они рассказывали, что, когда герцог Роллон подвесил на дубе в лесу Румар (*Rollinis mare*) золотые кольца, они провисели там три года. В старинных словарях утверждалось, что клич *haro* был изначально призывом к покровительству Роллона: «Ha! Rol!» Разумеется, бароны, бывшие предводители пиратов, *ярлы*, плохо переносили эту дисциплину и продолжали разрешать свои частные конфликты с неописуемым буйством и жестокостью. Но герцоги умели навязать свою волю. Никаких крупных вассалов в Нормандии не осталось. Ни один сеньор не был тут достаточно силен, чтобы противостоять герцогу. А тот имел в каждом округе своего представителя, виконта, который был не просто управителем его владений, но настоящим губернатором. Герцог Нормандский взимал налоги деньгами и располагал управлением финансов – казначейством. Из всех монархов своего времени он больше всех был похож на главу современного государства.

Крещение Роллона, герцога Нормандского, в Руане в 912 г. Миниатюра. XV в.

3. Нормандцы гораздо раньше англосаксов восприняли иерархию и церемониал континентального рыцарства. Феодализм на континенте развился по той же причине, что и в Англии (необходимость местной обороны), но в XI в. он был подчинен здесь более четким правилам. Ступенью ниже герцога Нормандского стояли бароны, сами командовавшие рыцарями. Рыцарем считался всякий собственник земли, владение которой включало в себя рыцарскую службу. По призыву своего барона рыцарь должен был явиться конным, вооруженным и оставаться на войне 40 дней. Это был короткий срок, но годившийся для малых кампаний. Для долгосрочных предприятий, таких как завоевание Англии, требовались особые договоры. Самому барону полагалось ответить на призыв своего герцога и привести зависевших от него рыцарей. Феодалные церемонии в Нормандии, как и в остальной Европе, включали в себя символическую клятву верности: «Вассал на коленях и без оружия подавал сложенные руки своему сюзерену и объявлял себя его вассалом за такой-то лен; сюзерен поднимал его и целовал в губы; потом вассал стоя присягал ему на Евангелии». Чтобы освободиться от присяги, требовалось *diffidatio* (недоверие), которое позволялось только в определенных случаях.

4. Церковь принимала непосредственное участие в рыцарских церемониях. После обращения бывших норманнов в христианство их герцоги приобрели особое расположение папы благодаря своему рвению, с которым они восстанавливали монастыри и церкви, разрушенные их предками. Они были прирожденными архитекторами, которых всегда отличало единство

замысла, напоминавшее об их потребности в государственном единстве, и они одними из первых в Европе стали строить прекрасные соборы. Они приглашали сведущих людей даже из самого дальнего далека. Так, ломбардец Ланфранк (Ланфранкини), обучавшийся в Павийской школе, приехал преподавать право в Авранше и стал там знаменит. Однако потом, устыдившись своего невежества в вопросах религии, он пожелал стать монахом беднейшей обители. И вступил в ту, которую Герлуин построил на берегу Рила; она и сегодня еще называется Вес-Неллоин (*Вес*, как и немецкое слово *bach*, означает *ручей*). Ланфранк основал там столь известную школу, что бретонцы, фламандцы и даже немцы приезжали туда, чтобы учиться у него. Но ему пришлось покинуть эту очаровательную долину, чтобы стать сначала настоятелем аббатства Святого Стефана в Кане, а потом и архиепископом Кентерберийским.

5. Надо объяснить, как у герцога Нормандского в XI в. смогла зародиться мысль стать королем Англии. После смерти весьма заурядных потомков Кнута совет мудрейших возвел на престол естественного наследника саксонских королей Эдуарда, прозванного Исповедником из-за его крайней набожности. «Он говорил во время божественной службы, – простодушно сообщает его биограф, – только если хотел задать вопрос». Похоже, Эдуард Исповедник был человеком добродетельным и мягким, но безвольным и почти по-детски наивным. Он дал обет целомудрия, что не помешало самому могущественному из *элдорманов* Годвину, некогда простому местному сеньору, но ставшему всемогущим в Уэссексе, женить его на своей дочери. Хотя брак и был формальным, он все равно тешил тщеславие Годвина, который весьма рассчитывал играть в доме своего зятя роль майордома. Кто знает? Ведь заменили же однажды Капетинги своих прежних господ... Эдуард, воспитанный в Нормандии, был гораздо больше нормандцем, нежели англичанином. Он окружил себя нормандскими советниками и назначил нормандца Робера Шампара, Жюмьежского аббата, архиепископом Кентерберийским. Как-то раз его навестил кузен из Руана Вильгельм Незаконнорожденный (ставший позже Вильгельмом Завоевателем) и впоследствии всю жизнь утверждал, что во время этого визита Эдуард пообещал сделать его своим преемником на престоле. На самом деле Эдуард не мог передать ему корону, это зависело не от него, а от Совета мудрейших. Но возможно, что он и впрямь неосмотрительно пообещал ее Вильгельму, как обещал Гарольду, сыну Годвина, и Свейну, королю Дании. Доброжелательный и бестолковый, он был похож на тех состоятельных дядюшек, которые обещают сделать наследниками всех своих племянников. Он дал обет совершить паломничество в Рим; папа освободил его от этого обещания при условии, что он построит аббатство. Эдуард построил Вестминстерское и перенес поближе к нему свой дворец, который прежде находился в лондонском Сити. Этот благочестивый поступок Исповедника имел (по замечанию Тревелиана) важные и непредвиденные последствия: убрав из Сити королевский дворец, он допустил рождение в среде лондонских буржуа того независимого духа, который будет постоянно оказывать влияние на историю страны. Эдуард Исповедник умер в июне 1066 г. и остался популярным в народе. После его кончины еще долго каждый новый английский государь клялся соблюдать «законы Эдуарда», хотя тот за всю свою жизнь не издал ни одного закона. Но он был последним англосаксонским королем до нормандского завоевания и по этой причине стал для англичан символом независимой Англии.

Эдуард Исповедник. Миниатюра. XIV в.

6. Вильгельм Незаконнорожденный, герцог Нормандии, был внебрачным сыном герцога Роберта и дочери кожевника из Фалеза Арлетты. Он был признан своим отцом и наследовал ему. Бароны поначалу отчаянно сопротивлялись малолетнему государю, да к тому же еще и бастарду. Вильгельм тогда прошел суровую школу, однако в результате стал не только полно-властным хозяином своего герцогства, но и увеличил его, завоевав Мэн. Он сделал свою Нормандию мирной и процветающей. Это был человек упрямой воли, умевший в случае неудачи затаиться и выжидать. Когда он решил жениться на Матильде, дочери графа Бодуэна Фландрского, папа римский запретил этот союз из-за некоторого родства жениха и невесты, которое делало его с церковной точки зрения незаконным. Вильгельм проявил терпение и потом все-таки заключил этот брак. И ужасно разгневался на Ланфранка, Бекского приора, который осмелился порицать его за неповиновение запрету понтифика. Правда, потом он воспользовался тем же Ланфранком, чтобы выторговать себе папское прощение, которое в конце концов получил при условии, что построит две красивые церкви в Кане: для мужского монастыря Абэй-оз-Ом и для женского монастыря Абэй-о-Дам (соответственно церкви Святого Стефана и Святой Троицы). Как раз во время этих переговоров необычайно ловкий Бекский приор и завязал близкие отношения с самым могущественным человеком Рима – с монахом Гильдебрандом, будущим папой Григорием VII. Два честолюбия поладили друг с другом: Вильгельм мечтал стать королем Англии, и для осуществления этого великого замысла папа мог ему пригодиться, а Гильдебранд мечтал сделать папу сюзереном и судьей всех властителей христианского мира, и один кандидат на трон уже охотно принимал по отношению к Риму обязательства, которые законный король отверг бы.

7. Какие же права были у Вильгельма на корону Англии? Если основываться только на его родословной, то никаких. У герцога Нормандского с добрым королем Эдуардом имелась только общая двоюродная бабка, да к тому же он был бастардом. Впрочем, в XI в. английские короли были выборными, и корону им мог дать только Совет мудрейших, *Витан*. Обещание Эдуарда? Слабоватый довод, поскольку Эдуард сулил корону всем кому не лень, хотя вообще не имел права обещать ее кому-либо. Но Ланфранк и Вильгельм, бывшие людьми хитроумными, которые всегда придавали своим желаниям «нравственные» с виду основания, затеяли против единственного опасного соперника, Гарольда, сына Годвина и шурина Эдуарда, настоящую дипломатическую махинацию. Этот несчастный Гарольд после кораблекрушения у берегов Понтё попал в плен к графу де Понтё, затем был освобожден Вильгельмом и доставлен в Руан. Там герцог дал ему понять, что тот совершенно свободен, но при одном условии: ему надо лишь признать Вильгельма своим сюзереном и стать в феодальном смысле «его человеком». Во время этой церемонии Гарольд должен был принести некую клятву, о которой в точности ничего не известно. Поклялся ли он жениться на дочери Вильгельма или подтвердить его права на трон Англии? Во всяком случае, он поклялся в чем-то, что приберегли, дабы потом использовать против него. Хронист рассказывает даже, что нормандцы скрыли под клятвенным столом два ларца с мощами святых. Все, что мы знаем о Вильгельме, делает историю вполне правдоподобной.

Король Гарольд, сын Годвина. Фрагмент гобелена из Байё. XI в.

Драккары Вильгельма Завоевателя направляются к берегам Британии. Фрагмент гобелена из Байё. XI в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.